

Автор этой книги, один из лидеров американской высшей школы, бывший президент Гарвардского университета Дерек Бок, силой аргумента и логического рассуждения убеждает руководителей академии, членов советов попечителей, основателей фондов и государственных деятелей в необходимости общими силами помочь университетам в том, чтобы их приоритеты приблизились к общенациональным интересам, требующим решения насущных социальных и экономических проблем. Дерек Бок размышляет о том, что может дать университетская наука производству, университетские профессиональные школы — корпорациям, правительству и просвещению и что они все вместе могут дать студентам для развития у них высокого чувства нравственной и гражданской ответственности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вклад академической науки в повышение конкурентоспособности

ГЛАВА ВТОРАЯ

Университеты и построение лучшего общества

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Упадок и возрождение нравственного воспитания

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К современной программе нравственного образования

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перспективы реформы

ВВЕДЕНИЕ

В сентябре 1936 года Гарвардский университет отмечал свое трехсотлетие.

Растущая роль университетов

Эпоха высшей школы, изолированной от общества, ознаменовавшаяся столь пышно отмеченным юбилеем Гарвардского университета, уже близилась к своему завершению и разрешилась трагическим финалом в дни поражения на военно-морской базе Пирл Харбор. Вторая мировая война коренным образом изменила место университетов в американском обществе. Изобретения напалма и атомной бомбы показали, что плоды академических исследований могут быть использованы с устрашающей эффективностью. Президент Трумен, будучи под сильным впечатлением от этих событий, отнесся к совету Ванневары Буша с большим вниманием, в результате чего уже в ближайшем будущем была создана колоссальная, поддерживаемая правительством программа научных исследований. При этом Трумен был убежден в том, что университетская наука должна стать и станет ключом к военному превосходству в мире и процветанию нации. В то же время, тревожась о том, что вернувшиеся с войны ветераны заполнят рынок рабочей силы, Конгресс принял в 1944; году закон о правах военнослужащих и начал перестройку высшего образования, открыв дверь в элитарные учебные заведения абсолютно для всех людей, способных и желающих учиться.

События после Второй мировой войны подтвердили важную роль университетов в обществе. В научных журналах увеличилась доля публикаций университетских ученых, которые стали вдохновляющим источником новых идей для самых разных сфер общества. При сильной поддержке Национального института здоровья медицинские школы внесли значительный вклад в изучение человеческих недугов, а открытия в области биологии, ознаменовавшие последнюю четверть века, обещают еще больше обогатить медицинскую практику при жизни следующего поколения. Оборонная мощь страны стала зависеть от таких наукоемких изобретений, как лазерная техника, волоконная оптика, полупроводники и т. д. Технологические новшества, разработанные современной наукой, все глубже внедряются в экономику открытия в области биогенетики, науки о материалах, фармакологии, телекоммуникации и микроэлектроники дают толчок возникновению целых отраслей производства.

Все эти события показали, что процветание нации определяется тремя решающими факторами: появлением новых научных открытий, квалификацией персонала и профессиональными знаниями. В Америке университеты полностью обеспечивают реализацию первых двух условий и в значительной степени третьего. Вот почему все обозреватели, начиная от социолога Гарвардского университета Дэниела Белла и кончая редакторами газеты «Washington Post» (Вашингтон пост), описывают современные университеты как центры развития постиндустриального общества.

К счастью, система высшего образования в Америке чаще всего считается чрезвычайно удачной. При недавнем опросе общественного мнения, проведенном в странах Азии, среди двенадцати наиболее выдающихся мировых университетов было названо восемь американских¹. Большинство Нобелевских премий после Второй мировой войны было присуждено американским ученым, в основном профессорам. Процент американской молодежи, получающей образование в колледжах и университетах, выше, чем в любой другой стране. Наши высшие учебные заведения предлагают такое разнообразие возможностей для учебы и научной работы, которое не имеет себе равных нигде в мире. При наличии сотен независимых инициативных центров, как государственных, так и частных, наша образовательная система порождает больше идей и экспериментальных новаций, чем любая образовательная система за рубежом. Именно

¹ The Asian Wall Street Journal, May 5, 1986.

поэтому Америка стала для всего мира той страной, куда стремятся молодые люди, имеющие возможность учиться за рубежом; треть из них приезжает в Америку. При любом критерии оценки высшее образование в Соединенных Штатах не имеет себе равных. И в отличие от многих других сфер это превосходство над Европой и Японией не уменьшилось, а, возможно, даже укрепилось за последнюю четверть века.

Если роль университетов в обществе так важна, а наши университеты обладают таким превосходством, можно вообразить, что Америка «обречена» на процветание в сравнении с другими индустриально развитыми странами мира. Не все не так просто, и в этом нетрудно убедиться. Конечно, наш общественный строй, основанный на демократии и свободных рыночных отношениях, доказал свое превосходство над экономикой, контролируемой государством, и авторитарными формами правления. Однако это едва ли «ставит точку» в данном вопросе, как провозгласили недавно некоторые ученые.

Если свобода и рыночная экономика одержат победу, их триумф сфокусирует другую острую проблему, перед которой стоят индустриально развитые страны, как построить общество, в котором здоровая, развивающаяся экономика обеспечивает безопасность, равные возможности и благополучие для всех граждан страны.

Сегодня на этом пути мы хромаем на обе ноги. После нескольких десятилетий стремительного прогресса наша экономика перестала работать так же эффективно, как в большинстве демократических индустриально развитых государствах.

Согласно последнему международному исследованию, проведенному в двадцати странах мира, наши студенты уже вне пределов досягаемости, но, к сожалению, не по уровню профессионализма, а по количеству допускаемых ими ошибок по научным дисциплинам, по слабой математической подготовке и эрудиции². Короче говоря, мы обогнали большинство индустриально развитых демократических стран в невежестве и многих болезнях современной цивилизации, но отстаем от них в темпах экономического прогресса.

Эта мрачная статистика должна глубоко тревожить всех, кто посвятил свою жизнь высшей школе. По крайней мере, при поверхностном суждении можно было ожидать, что прекрасная университетская наука выведет нас на передовые рубежи технического прогресса, необходимого для создания высокоразвитой экономики. Можно было надеяться на то, что наши школы бизнеса, имеющие мировую известность, помогут американским компаниям удержать позиции в постоянном соперничестве с Европой и Японией. Можно было рассчитывать на энергию выпускников наших знаменитых профессиональных школ, которые, вооружившись результатами социологических исследований, могли бы помочь нашим правительственным и общественным организациям решить проблемы нищеты и безграмотности. Но мы не видим этого в реальной жизни и поэтому вправе спросить, все ли возможное делают наши университеты, чтобы помочь Америке справиться с проблемами, которые угрожают подорвать экономику страны и искалечить жизнь миллионам наших сограждан.

Эта проблема включает два вопроса. Во-первых, достаточно ли того, что делают университеты, особенно научно-исследовательские, для решения многих проблем, снижающих конкурентоспособность экономики и не позволяющих обеспечить всем гражданам нашего общества необходимую безопасность и благоприятные возможности. Другими словами, все ли возможное делается университетами для того, чтобы общество использовало все преимущества, которые даются эффективным управлением корпорациями, техническим прогрессом, компетентным правительством, хорошими

² See, e.g., International Association for the Evaluation of Educational Achievement, *Science Achievement in Seventeen Countries* (New York: Pergamon Books, 1988); Archie Lapoirite, Nancy Mead, and Gary Phillips, *A World of Difference: An International Assessment of Mathematics and Science* (Princeton, N. J.: Educational Testing Service, 1989).

школами и победой над бедностью, преступностью, наркоманией, алкоголизмом и безграмотностью? Вторая сторона вопроса имеет нравственную природу и вскрывает тот факт, что обновление корпораций, правительственных учреждений, школ и городов неизбежно зависит от личных качеств отдельных людей. Коль скоро они имеют решающее значение, достаточно ли делают наши университеты для воспитания в нашем обществе, особенно среди самых влиятельных его членов, более сильного чувства гражданской и личной ответственности, сознательности и гуманного отношения к окружающему миру? Отвечая на вопрос, насколько высшее образование несет ответственность за решение этих огромных проблем, я надеюсь пролить свет на главную проблему: каков вклад университетов в развитие общества и каким образом сделать его еще более существенным*.

Концентрируясь на безотлагательных сиюминутных проблемах, студенты рискуют потерять величайшее преимущество либерального обучения — «приглашение отвлечься от сиюминутного «здесь» и «сейчас» и прислушаться к тихой беседе, в которой представители рода человеческого во все века пытались понять самих себя»³.

Поэтому столь важно, чтобы университеты сохранили для своих преподавателей и студентов самые широкие возможности для проведения фундаментальных научных исследований, свободных от соображений практической пользы. Даже убежденные приверженцы утилитарного подхода должны с этим согласиться, если они не забыли, насколько ошеломляюще плодотворной может оказаться не ограниченная временными рамками работа эрудированного интеллекта. В конце-концов, не генералы и президенты, и не эксперты-советники, а философы и ученые оставили наиболее яркие следы в истории нашей цивилизации.

И все же будет жаль, если настойчивое стремление к чистой науке приведет к полному пренебрежению практическими, нуждами общества. Не только общество нуждается в помощи университетов в решении многих его проблем; эти проблемы, в свою очередь, помогут ученым распознать среди множества задач действительно важные и дадут практический опыт, который прольет новый свет на старые факты. Кроме того, разделение науки на чистую, то есть фундаментальную, и прикладную является слишком резким. Можно исследовать то или иное явление как из-за сильного стремления понять его природу, так и из-за веры в то, что это понимание может принести пользу человечеству. Точно так же человек, овладевая профессией, начинает лучше понимать себя. Поэтому можно предположить, что истинная миссия университетов заключается в создании здорового равновесия между прикладной интеллектуальной деятельностью и поисками истины и смысла как таковых.

Важно также помнить, что со времен кардинала Ньюмена высшее образование претерпело глубокие перемены. Некоторые из них заставляют усомниться в мудрости стремления держать университеты в стороне от окружающего общества. Начнем с того, что сейчас университеты создали сильные профессиональные школы, являющиеся их неотъемлемой частью. Главная задача всех этих школ состоит в подготовке студентов к профессиональной деятельности и изучении проблем, с которыми им предстоит столкнуться в реальной жизни. Если бы профессиональные школы не были непосредственно связаны с практическими профессиональными проблемами, тому режиму максимального благоприятствования, который предоставляется школам, трудно было бы найти разумное оправдание.

* Эта небольшая книга создана на основе двух публичных лекций. Содержание этой книги не может охватить все социальные проблемы, в решении которых могут участвовать университеты как своими исследованиями, так и обучением молодежи. В частности, я не смог остановиться на важной теме о роли университетов в решении таких общемировых проблем, как угроза окружающей среде, развитие стран третьего мира, сохранение мира или рост народонаселения планеты.

³ Timothy Fuller, ed., *The Voice of Liberal Learning: Michael Oakeshott on Education* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1989), p. 41.

Более того, со времен кардинала Ньюмена американские колледжи и университеты перестали быть маленькими закрытыми заведениями для немногочисленной элиты. Все вместе они обучают 12 миллионов студентов силами 700 000 профессоров и преподавателей. Вряд ли даже кардинал Ньюмен стал бы настаивать на том, чтобы все эти профессора полностью погрузились в процесс обучения. На действительно оригинальное, поисковое научное исследование способны немногие, несколько человек из каждого поколения. Честь им и хвала, они являют собой самый цвет цивилизации. Но было бы слишком глупо настаивать на том, что только такого рода работа является достойным приложением сил всей или даже большей части колоссальной армии профессоров.

Глава первая **ВКЛАД АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОВЫШЕНИЕ** **КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**

С того времени, когда Ванневар Буш в 1946 году опубликовал свой доклад по национальной политике в области науки, американцы глубоко уверовали в значение фундаментальных исследований для построения более развитого, процветающего и стабильного общества. Харвей Брукс отмечал: «Истинный смысл доклада Буша, по всей видимости, заключается в том, что новая технология явилась [^]следствием достижений передовой науки. Если есть первоклассная научная база, которая опирается в первую очередь на университетскую науку и поддерживается на должном уровне, то будет и новая технология. И это все в интересах национальной безопасности, экономического развития, создания новых рабочих мест и повышения уровня благосостояния общества. Остальные факторы технического прогресса при этом не будут требовать особо пристального внимания»⁴.

«Очевидно, что именно наука стала источником экономической мощи Соединенных Штатов. Основным фактором, который будет определять дальнейший прогресс, является наличие средств, достаточных для проведения научных работ», — отмечает ректор Университета Карнеги-Меллон Ричард Кайерт⁵. По словам директора Национального фонда науки Эрика Блоха, «инвестиции в научные и технические исследования стали основными гарантами нашего экономического прогресса за последние четыре десятилетия»⁶. Далее он добавляет: «Капиталовложения в развитие науки являются для всех стран главным инструментом поддержания своей конкурентоспособности. Укрепление позиций на научном фронте путем финансирования исследовательских работ является наилучшим вкладом, который может внести государство в дело обеспечения процветания своей экономики...»⁷.

Национальные комиссии, возглавляемые ведущими руководителями производства, пришли к этому же выводу, указав на первоочередную необходимость повышения научного потенциала университетов. В докладе Совета Белого дома по науке говорится: «Благополучие американского общества непосредственно связано с положением дел в университетах. Наше государство в большей степени, чем какое-либо другое, ждет от своих университетов не только новых научных достижений, но и хорошо подготовленных молодых специалистов, способных эффективно применять эти достижения на практике.

⁴ Harvey Brooks, The Research University: Centerpiece of Science Policy? College of Business, Working Paper Series 86—120 (1986), pp. 7—8.

⁵ Richard Cyert, Statement before House Representatives Committee on Commerce, Science and Technology (mimeo) (1987), p. 8.

⁶ Erich Bloch, Basic Research: The Key to Economic Competitiveness (National Science Foundation, 1986), p. 12.

⁷ Erich Bloch, Testimony before the Subcommittee on Science, Technology and Space, Senate Committee on Commerce, Science and Transportation, September 29, 1989.

Но именно сейчас, когда мы так много ждем от наших университетов, выясняется, что после десяти и более лет «экономного» отношения к науке и даже «затягивания поясов» их оборудование устарело, их возможности исчерпали себя, а количество преподавателей и студентов во многих важных областях науки неуклонно падает... Вывод ясен: наши университеты просто не могут отвечать тем требованиям, которые предъявляет к ним общество, и не способны обеспечить выполнение своего долга перед государством по развитию науки и образования без существенного увеличения их материальной поддержки»⁸.

Повысит ли укрепление фундаментальной науки нашу конкурентоспособность?

Доводы в защиту этого положения звучат убедительно. Но прежде чем мы безоговорочно примем эти доводы в целом, нам следует дать ответ на ряд каверзных вопросов. Если фундаментальная наука настолько важна для экономического прогресса и повышения производительности, то почему Соединенные Штаты заняли доминирующее положение в мировой экономике несколько десятилетий назад, когда научные исследования в американских университетах велись лишь в незначительных масштабах, и почему снижение нашей конкурентоспособности произошло за последние 25 лет, именно в то время, когда наша университетская наука определяла уровень мировой науки в целом? И наоборот, почему именно Япония так стремительно продвинулась вперед, несмотря на явное отставание от Соединенных Штатов по уровню научных исследований?

Однако в историческом контексте эти парадоксы не выглядят столь обескураживающими. В прошлые века все складывалось таким образом, что государства, которые занимали передовые позиции в науке, не могли стать лидерами в технологических инновациях и экономическом развитии. В средние века, например, экономический и торговый бум произошел в Европе, хотя центр науки находился в Китае и странах ислама. В XIX веке приоритет в разработке паровой машины принадлежал Англии, несмотря на то что открытия в этой области были сделаны на континенте. И наоборот, основываясь на фундаментальных открытиях британских ученых в области органической химии, Германия раньше всех освоила производство синтетических красителей.

На этих исторических примерах можно проследить определенную закономерность. До конца XIX века внедрение в производство тех или иных технических новшеств не было связано с уровнем развития науки. Технический прогресс определялся в основном применением всевозможных рычагов, блоков и шестеренок, а также других устройств, которые появлялись на свет не в университетских лабораториях, а в мастерских изобретателей и инженеров-одиночек. Только на исходе XIX века поиски новых технологий привели в невидимый мир атомов, молекул, бактерий, генов и электромагнитных волн, которые были доступны пониманию лишь ученых. Отсюда ясно, почему за научными открытиями, едва те появлялись на свет, не следовали соответствующие победы на производстве. В наше время взаимная интеграция: новой технологии и науки стала более очевидной. Чисто производственные процессы развиваются непосредственно на основе научных открытий, и современные корпорации готовы заплатить миллионы долларов за то, чтобы установить тесные контакты с ведущими университетскими лабораториями. Тем не менее, связь между технологическими инновациями и фундаментальной наукой гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Технический прогресс зависит не только от знаний, полученных фундаментальной наукой, но и от умения применить их, а также от инженерного таланта и многих других факторов. И как результат, научные достижения определяют технический прогресс лишь в общих чертах.

Следует ли нам содействовать более тесному взаимодействию между

⁸ A Renewed Partnership, Report the White House Science Council (1986), p. 3.

университетами и производителями?

Многие американцы призывают университеты к более тесному сотрудничеству с американскими фирмами для скорейшего превращения научных знаний в новые технологии, вместо того чтобы чинить препятствия изучению наших научных достижений нашими конкурентами. Такие предложения были встречены с энтузиазмом почти всеми сторонами. Государственные деятели надеются на то, что тесная кооперация даст нашим компаниям столь необходимое нам преимущество в технологии. Корпорации стремятся получить новые знания в таких областях, как генетика, в которой научные открытия довольно быстро приводят к налаживанию производства новых прибыльных изделий и продуктов. Университеты проявили расторопность: увеличили капитал от реализации удачных патентов и получили инвестиции от корпораций на исследовательские работы взамен предоставления им исключительных лицензионных прав на все научные разработки, полученные в ходе исследований. Академические ученые также быстро воспользовались возможностью освоить новые источники финансирования в личных целях за счет высоких гонораров за консультации и за счет приобретения акций во вновь создаваемых компаниях.

Но новые формы кооперации обещают не только привести к положительным результатам, но и повлечь за собой ряд нежелательных явлений. К положительным результатам можно отнести тот факт, что контракты на исследовательские работы, заключенные с университетами, значительно более продуктивны в плане количества оформляемых патентов. С другой стороны, заключение контрактов с производителями ставит под угрозу сохранение той особенной, присущей только академической науке обстановки, которая и делает столь плодотворными фундаментальные научные исследования. Компании могут настоять на соблюдении секретности исследований, с тем чтобы защитить свое право собственности на информацию. Сблазн коммерческого успеха может заставить талантливых ученых тратить слишком много времени на создание новых компаний или на консультативную работу на уже созданных фирмах, что сразу начинает отражаться на уровне фундаментальных исследований. Не исключена даже возможность и своего рода эксплуатации профессорами своих аспирантов, которых попытаются переключить на исследования, имеющие коммерческий интерес. Перейдя все допустимые границы, эта практика может отрицательно сказаться на фундаментальной науке и, в конце концов, существенно подорвать ее силы.

Пока еще рано говорить о чистом выигрыше от кооперации университетов и производителей. Информация, имеющаяся на сегодняшний день, не дает серьезных оснований для того, чтобы высказывать свои опасения относительно снижения уровня фундаментальной науки. Тем не менее, университеты находятся под постоянным давлением сомнительных сделок с производителями. Все большее число компаний требует, чтобы контракты на проведение исследовательских работ включали положения, запрещающие академическим ученым, финансируемым одной фирмой, сотрудничать с исследователями, финансируемыми другой фирмой. Растет количество университетов, которые дают свое согласие на введение более жестких ограничений на использование информации, на которую распространяется право собственности фирм, финансирующих эти университеты. Некоторые институты согласились даже на такие условия, которые обязывают профессорско-преподавательский состав воздержаться от выступлений на научных симпозиумах по вопросам, касающимся работ, финансируемых на коммерческих условиях, без предварительного согласования со своими спонсорами.

Эти опасения ставят под сомнение правильность решения, согласно которому мы должны настаивать на увеличении количества контрактов с производителями. Более того, удастся ли или нет университетам отстоять свои идеалы и ценности в этих условиях, вряд ли сотрудничество с отечественными корпорациями скажется существенно на повышении нашей конкурентоспособности. Даже если финансовая поддержка академической науки корпорациями вырастет вдвое и достигнет уровня семидесятых годов (увеличение в

больших размерах мало вероятно), то это все равно составит лишь 10 процентов от всех затрат университетов на научные исследования. Кроме того, как мы уже отмечали, иностранные фирмы тоже не отстают в заключении контрактов с американскими университетами и нет никаких признаков того, что они собираются отказаться от них в будущем. Следовательно, возвращаясь к уже сказанному, обеспечение американского бизнеса уникальными возможностями за счет исключительно высокого уровня нашей науки представляется очень непростым делом. Несмотря на то что идея о тесном сотрудничестве с производителями получила хорошую рекламу, мысль о том, что сотрудничество поможет восстановить господство американского бизнеса на мировом рынке, является еще одним, третьим, заблуждением в полемике по вопросу о нашей конкурентоспособности, охватившей всю страну.

Истинные причины снижения нашей конкурентоспособности

Имеется более серьезная причина для сомнений по поводу того, смогут ли усилия, направленные на укрепление сотрудничества между университетами и производителями, или иная политика в области науки внести существенный вклад, в повышение нашей конкурентоспособности. Если задаться целью и проанализировать причины утраты наших позиций за последние десятилетия, то станет ясно, что не недостаток новых идей в области технологии является тому причиной. Несмотря на очевидный экономический спад в последнее время, Соединенные Штаты еще являются обладателями около половины запатентованных научных открытий. Более того, имеется масса примеров творческих усилий, направленных на применение новаторских идей в коммерческих интересах. У нас нет недостатка в предприимчивых людях, рискующих финансировать новые инициативы.

Большинство экспертов сошлись во мнении, что истинные проблемы, связанные с падением конкурентоспособности-Америки, лежат скорее всего не в сфере, относящейся к ранним стадиям становления производственного процесса, то есть на этапе инженерно-конструкторских работ и организации новых фирм. Как правило, проблемы возникают тогда, когда встают вопросы организаций крупномасштабного производства высококачественной продукции по низким ценам и ее стандартизации⁹. По словам двух компетентных обозревателей Дэвида Тиса и Генри Эргаса, «не японцы изобрели цветное телевидение, видеоаппаратуру и полупроводники. Но именно они разработали систему дизайна и технологию производства, что дало им решающее преимущество в конкурентной борьбе»¹⁰. Короче говоря, причина нашей неспособности приобрести капитал за счет удачных начинаний никоим образом не связана с наукой. Вернее предположить, что основные причины кроются в чем-то ином.

Американские менеджеры также должны разделить ответственность за бедственное положение нашей экономики. Они часто выказывали свою ограниченность во взглядах, проявляя меньшую, чем их зарубежные коллеги от бизнеса, способность понять пути проникновения на иностранный рынок и приспособиться к специфическим условиям различных культур и традиций. Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что многие бизнесмены в Соединенных Штатах формировались под влиянием благодушного настроения послевоенных лет, когда наша экономика занимала лидирующее положение в мире. В результате этого внимание к вопросам качества снизилось, в чем можно убедиться, читая «Консьюмер репорте», сравнивая оценки японских и американских автомобилей, а также других товаров широкого потребления и бытовой техники. Кроме того, под влиянием нашего налогового законодательства американские фирмы были слишком поглощены финансовыми проблемами заботами о получении немедленных

⁹ See chapters by David Teece and Henry Ergas in Bruce R. Guile and Harvey Brooks, eds., *Technology and Global Industry* (Washington, D. C: National Academy Press, 1987), pp.65, 191.

¹⁰ Stephen S. Cohen and John Zysma, «Manufacturing Innovation and American Industrial Competitiveness», *Science* 239 (March 4, 1988): 1110.

прибылей в результате чего не смогли приобрести достаточного опыта в освоении новых технологий в целях повышения качества продукции и снижения производственных затрат. И, наконец, в умении организовать и мотивировать труд рабочих американские предприниматели плетутся в хвосте у японцев. Большинство экспертов согласны с тем, что успех Японии в повышении производительности заключается скорее в ее способности организовывать свои рабочие мощности, нежели в способности создавать новые технологии. Поэтому японские фирмы, как правило, опережают американские компании, используя, по существу, те же производственные технологии и те же проектно-конструкторские решения.

Дополнительные проблемы вызваны неутешительным состоянием дел в наших государственных школах. По мере того как быстро меняются методы производства, правильная система обучения в школах приобретает большое значение. Тем не менее американские школьники и особенно учащиеся старших классов отстают от своих сверстников из других индустриально развитых стран. Эта тенденция наиболее четко выявилась при проверке знаний по математике и естественным наукам. Согласно недавно проведенному международному исследованию, в ходе которого опрашивались школьники из тринадцати передовых стран, семнадцатилетние учащиеся из США стояли на девятом месте по уровню знания физики, на одиннадцатом — химии, на тринадцатом — биологии¹¹. Американские школьники были почти ниже всех своих сверстников по знанию геометрии и алгебры, по измерениям и расчетам¹². Это неудивительно, так как половина всех учителей математики и естественных наук не имеют дипломов на право преподавания этих предметов¹³. Слишком мало выпускников высших школ имеют достаточный уровень подготовки для того, чтобы в дальнейшем стать инженерами, так как уровень обучения и преподавания не отвечает современным требованиям. В общем, тот факт, что около половины семнадцатилетних умеют производить математические действия лишь с целыми числами, говорит о многом. С такими ограниченными навыками в математике трудно ожидать, что старшеклассники смогут применять сложные математические инструменты сообразно различным проблемным ситуациям, возникающим в повседневной жизни и работе¹⁴.

Глава вторая

УНИВЕРСИТЕТЫ И ПОСТРОЕНИЕ ЛУЧШЕГО ОБЩЕСТВА

В рассуждениях о конкурентоспособности общества затрагиваются два главных вопроса: качество и эффективность. Они являются следствием проблем, выходящих далеко за пределы компетенции науки, технологии и управления. В значительной степени беды нашей экономики происходят от наших фундаментальных недостатков общенационального масштаба: низкого уровня общего образования, ошибочных действий правительства, проблем бедности, не поддающихся решению, безработицы, наркомании, безграмотности, преступности и непрочности семей. Безусловно, те или иные меры могут на какое-то время поправить положение. Однако вряд ли мы надолго сохраним приемлемые темпы экономического роста, если не сможем решить эти проблемы радикально. Но важнее другое. Наше общество не вправе считаться истинно гуманным, дающим равные возможности всем своим гражданам и обеспечивающим им полную социальную защиту, пока эти трудности не будут преодолены.

¹¹ Report: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (1988).

¹² Curtis C. McKnight et al., *The Underachieving Curriculum: Assessing U. S. School Mathematics from an International Perspective* (Champaign, 111.: Stipes, 1987).

¹³ Linda Darling-Hammond, *Beyond the Commission Reports: The Coming Crisis in Teaching* (Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 1984).

¹⁴ John A. Bossey et al., *The Mathematics Report Card: Are We Measuring Up?* (Princeton, N. J.: Educational Testing Service, 1988), p. 41.

Роль высшей школы

Высшая школа не имеет возможности взять на себя непосредственное решение всех этих проблем. Университеты не могут увеличить размеры капиталовложений, изменить политику корпораций, облегчить бремя нищеты или реформировать политику правительства. Они даже не в состоянии улучшить положение дел в государственных школах. Но это не означает, что, обратив внимание на эти проблемы, высшая школа не может принести реальной пользы. Практически во все начинания, имеющие целью укрепление нашей экономики и создание более гуманного общества, университеты могли бы внести свой вклад, пусть косвенный, но значительный.

В сфере образования работников управления это проявляется с наибольшей очевидностью. Корпорации стремятся к повышению эффективности производства, улучшению качества и дизайна готовой продукции, расширению своего экспорта за рубеж и требуют от сотрудников максимально эффективной работы. Школы бизнеса могли бы отвести важное место этим предметам в программах обучения, предназначенных как для студентов, готовящихся получить диплом магистра экономики управления, так и для исполнителей среднего звена. Для этого могут быть привлечены преподаватели из самых разнообразных областей знаний, не только из сферы экономики и управления, но и по инженерно-конструкторским дисциплинам, изучению международных отношений, психологии и т.д. Это непременно облегчит поиск новых путей организации работы, управления трудовыми коллективами, эффективных способов управления технологическими и проектно-конструкторскими работами и методов анализа зарубежной экономики и культуры. Ученые могли бы в своих исследованиях выйти за рамки теоретических задач и попытаться изучить реальную стратегию и практику преуспевающих корпораций Америки и других стран мира.

На конкурсе для поступающих в школы бизнеса членам приемных комиссий, зная о проблемах сегодняшнего бизнеса, следовало бы отдавать предпочтение кандидатам, имеющим опыт работы за рубежом, хорошую языковую подготовку и научное или инженерное образование. В этом случае, во-первых, в школы попали бы студенты, имеющие необходимый запас именно тех знаний, которые нужны для решения проблем бизнеса, и, во-вторых, студенты воочию убедились бы в насущной необходимости овладения этими знаниями. В свою очередь, на кафедрах гуманитарных и естественных наук следовало бы повысить требования к изучению иностранных языков и воодушевить студентов на более глубокое изучение экономики, истории зарубежных стран и зарубежной культуры. Можно было бы создать сильные центры международных исследований и изучения наших внутренних проблем и наладить более тесные контакты между ними и школами бизнеса.

Школы инженерных наук также могли бы внести весомый вклад в решение проблемы, активно привлекая к работе способных студентов, уделяя больше внимания проектированию производства и инженерно-конструкторским работам и занимаясь вместе со школами бизнеса разработкой новых направлений развития технологии. Кроме того, эти школы могли бы разработать более совершенные программы для обучения специалистов" среднего уровня и убедить выпускников средних" школ, работающих в корпорациях, максимально использовать эту возможность для профессионального роста.

Очевидно, что законодательная деятельность, уставы и -судебные разбирательства проникают во все сферы нашего общества. Поэтому, решая проблемы конкурентоспособности и бедности, нам не обойтись без участия юридических школ. Они могли бы, отойдя от анализа правовой доктрины и обсуждения теорий правоведения, заняться практическими исследованиями, важными для повседневной жизни общества, или, если говорить конкретно, проблемой разрешения спорных вопросов в сфере бизнеса. Давно пора внести ясность в понимание того, что собственно, представляют собой спорные вопросы и затраты на их урегулирование и каким образом достигается согласие или сводятся к минимуму судебные издержки. Юридические школы могут предложить

учебные и исследовательские программы по правовой защите неимущих слоев населения и привлечь студентов к оказанию правовых услуг бедным. Исследования, проведенные в рамках этих программ, помогли бы в разработке эффективных путей решения спорных вопросов, что было бы большим шагом навстречу интересам обездоленных людей.

Государственное управление представляет еще более широкие возможности. Со времен Великой депрессии стало очевидно, что правительство является главной силой в обществе, влияющей практически на все сферы жизни. Также стало ясно, что проблемы, с которыми сталкиваются государственные власти, наиболее сложны, а управление огромными государственными учреждениями сопряжено с такими трудностями, каких не испытывают люди, занятые управлением в иных сферах. Деятельность правительства настолько важна для общества и настолько сложна для людей, которые этим занимаются профессионально, что подготовке специалистов, которым предстоит работать в этой сфере, должно уделяться особое внимание. Поэтому, обратившись к нуждам общества, университеты должны направить усилия на создание школ государственного управления, не уступающих по уровню на создание школ государственного управления, не уступающих по уровню профессиональным школам. Такие школы могут активно привлекать к себе Способных студентов, не только недавних выпускников колледжей, думающих об административной карьере, но и уже работающих чиновников и политиков, нуждающихся в хорошо разработанных специальных программах. При необходимой финансовой поддержке и заинтересованном отношении со стороны руководителей университетов школы государственного управления могут постепенно разработать на высоком уровне учебные программы по анализу политики и управлению, в то время как растущий научный потенциал в настоящее время направлен на изучение вопросов формирования политики и государственного управления.

Образование играет исключительно важную роль в жизни общества. Однако в нашей системе среднего образования имеются очевидные изъяны и просчеты. Поэтому трудно переоценить важность педагогических школ при университетах. В течение нескольких лет нашей стране предстоит заменить половину всей армии учителей, насчитывающей 2,5 миллиона человек. Учащиеся государственных средних школ явно нуждаются в более эффективных методах обучения. Столкнувшись с этими потребностями, педагогические школы должны приложить все усилия, чтобы усовершенствовать методы подготовки учителей и активно привлекать людей всех возрастов, заинтересованных в преподавательской деятельности. Кроме того, именно сейчас, когда стало ясно, насколько велика роль руководства общеобразовательных школ в повышении качества образования, педагогические школы имеют реальный шанс создать программы обучения административных работников образования, следуя примеру школ бизнеса, первыми освоивших курсы практической подготовки. Поскольку мы до сих пор остаемся: в какой-то мере невежественными в вопросах образования, педагогические школы могут внести ясность во многие из этих вопросов, поддерживая исследования, направленные на поиск более эффективных методов преподавания, анализ успехов и неудач различных концепций школьных реформ и совершенствование методов оценки знаний учащихся. Педагогические школы могут стать для университетов своего рода экспериментальной моделью по совершенствованию методов преподавания и обучения.

Описывая эти возможности, я ни в коем случае не хочу сказать, что, следуя им, мы обязательно сделаем американский бизнес более конкурентоспособным, государственную политику — более эффективной, а проблемы городских трущоб — легко решаемыми. Знание проблемы бедности не является гарантом того, что будут приняты более разумные законодательные акты, а совершенствование программ обучения государственных чиновников и школьных учителей не означает, что все выпускники используют свои знания с максимальной пользой для общества. Политическое давление, финансовые трудности, эгоистические соображения и другие жизненные реалии часто будут стоять на

пути благих намерений. Однако факт остается фактом, что ни наша экономика, ни наше общество не смогут значительно улучшиться без тех возможностей и преимуществ, которые даются знаниями и профессионализмом. В этом смысле университеты могли бы внести существенный вклад в улучшение нашей жизни наряду с корпорациями, правительственными учреждениями и другими столпами нашего общества.

Ответная реакция

Что же сделали университеты, получив столько возможностей принести пользу обществу? До изумления мало. Чтобы понять всю глубину нашего разочарования, достаточно беглого взгляда на то, сколь неэффективно использовала высшая школа каждую из описанных здесь возможностей.

Наши отечественные и международные центры высшего образования и научных исследований едва ли стали сильнее за последние 25 лет, скорее наоборот. Лишь немногие из этих центров имеют совместные программы со школами бизнеса или с другими профессиональными школами.

Вряд ли заслуживает более высокой оценки положение со школами бизнеса. За последние 25 лет ведущие профессиональные школы находились скорее под влиянием академических интересов, нежели реальных проблем бизнеса. В недавно опубликованном отчете о состоянии образования в области управления сказано: «Возможно, наиболее тревожным открытием было полное отсутствие интереса к проблеме или даже отсутствие осведомленности о грядущих переменах в том мире, в котором будут существовать школы бизнеса в "ближайшие 10—15 лет»¹⁵. Большинство ведущих школ остановили свой выбор на изучении экономики, математики и статистики и их применении в таких областях бизнеса, как финансы и банковское дело. Намного меньше внимания было уделено таким предметам, как организация бизнеса в зарубежных странах, мотивация труда, эффективное использование технологии, повышение производительности и улучшение контроля качества, налаживание тесных контактов с правительством.

. Как это ни странно, лишь немногие члены комитетов сами были выпускниками школ бизнеса и вряд ли хотя бы кто-то из них имел опыт практической работы. Большинство профессоров наиболее известных школ были привлечены к преподавательской деятельности скорее за их научные заслуги, а не за практический опыт работы в области бизнеса.

Положение в юридических школах несколько иное. Они обращают мало внимания на изучение путей урегулирования спорных вопросов и сокращения соответствующих затрат. В юридическом образовании основной акцент делается на абстрактные рассуждения о понятиях справедливости, равенства, свободы и порядка. Практические действия, направленные на урегулирование спорных вопросов, при этом остаются в стороне. Таким образом, вряд ли можно рассчитывать на существенный вклад юридических школ в повышение эффективности производства за счет усовершенствования процессов урегулирования спорных вопросов в бизнесе.

В то же время вклад юридических школ в решение проблем, связанных с бедностью, более заметен. Во многих школах предлагаются различные курсы, имеющие отношение к этой проблеме, студентам предоставляется возможность оказывать правовые услуги неимущим клиентам. Но в чем виден явный изъян, так это в крайне недостаточном

¹⁵ Lyman W. Porter and Lawrence E. McKibbin, *Management Education and Development: Drift or Thrust into the 21st Century?* (New York: McCraw-Hill, 1988), p. 311. This book was written by two business school professors and represents the outgrowth of a three-year study commissioned by the American Assembly of Collegiate Schools of Business. It was based on extensive surveys and interviews involving faculty members and business executives.

объеме эмпирических исследований по правовым проблемам неимущих слоев населения и в замедленном темпе поиска более эффективных путей их решения.

Менее заметен вклад университетов в повышение квалификации служащих государственных учреждений. Несмотря на настоятельную необходимость в подготовке способных государственных служащих, соответствующие профессиональные школы долгое время оставались в самом низу университетской таблицы о рангах, далеко позади школ права, бизнеса, медицинских и технических учебных заведений. Некоторые ведущие университеты вообще не предлагают никаких программ подготовки государственных служащих. За последние двадцать лет на новые школы государственного управления стали обращать некоторое внимание, но они еще не заняли достойного места во многих университетах. По выделяемым им средствам они редко могут сравниться с ведущими, профессиональными школами. Часто они сливаются со школами бизнеса, которые неизменно доминируют в вопросах финансирования, уровня преподавания.

Педагогические школы также занимают невысокое место, в типичной университетской иерархии. Со стороны удивительно наблюдать, насколько мало уделяется им внимания в национальных дебатах вокруг школьной реформы. Более того, с тех пор как началась эта дискуссия, некоторые университеты вообще исключили их из своего состава. Условия для работы и учебы в педагогических школах явно неудовлетворительные, часто они довольствуются тем, что привлекают большое количество студентов, которых можно обучать с минимальными затратами, и таким образом создать фонд для финансирования более престижных научных исследований.

Университеты занимаются только теми проблемами обучения и исследовательскими задачами, за которые общество согласно платить, а не теми, которые являются жизненно важными. А это не всегда одно и то же. Как мы уже видели, профессии, обеспечивающие наиболее высокий уровень жизни и привлекающие наиболее талантливых студентов, не всегда являются именно теми профессиями, которые наиболее важны для построения лучшего общества. Если быть более точными, характер распределения материальных благ играет не очень благовидную роль в распределении талантов в соответствии с нуждами общества. Что касается научных исследований, то наличие многих источников финансирования в Америке поддерживает уверенность в том, что ни одна из важных социальных проблем не будет полностью обделена вниманием. Но наша децентрализованная система не дает никаких гарантий, что доступные фонды будут распределены именно так, как этого требуют интересы общества. Личные пристрастия, политическое давление и неадаптивность — все это придает созданию фондов поддержки иррациональный характер. Например, затратив миллиарды на поиск лекарства от рака, мы вкладываем жалкие гроши в то, чтобы найти эффективное средство, которое помогло бы людям бросить курить. Все эти причуды стоят на пути университетов навстречу интересам общества.

Интеллектуальные влияния. Как ни убедительны все эти соображения, они не могут внести полную ясность в существо проблемы. Например, школы права проявили значительный интерес к проблеме неимущих, хотя в этой сфере деятельности нет ни высокооплачиваемых должностей, ни большого количества заинтересованных частных лиц, способных поддержать такого рода исследования. Многие бизнесмены с удовольствием поддержали бы научный поиск новых способов повышения производительности наемного труда или улучшения производственных или конструкторских процессов, многие другие не отказали бы в поддержке ученым-юристам в поиске возможных путей сокращения расходов на решение спорных вопросов. Однако все эти начинания пришли в упадок.

Кто-то может доказать, что подготовка школьных учителей не привлекает

наиболее талантливых профессоров и: преподавателей, потому что им пришлось бы расстаться с упорядоченным миром научных исследований с его хитроумными экспериментами и тщательно документированными результатами и столкнуться с неблагодарной миссией помощи: реальным детям в реальных школах. Прогресс в области государственного управления был до недавнего времени загнан, в угол отсутствием учебной программы, адекватной широкому разнообразию профессий и видов деятельности, взятых под крышу государственной службы. Рост и распространение: аналитических методов для решения проблем политики помогли преодолеть эти трудности и дали новую жизнь подобным школам. Однако рано говорить о процветании школ государственной политики, потому что они еще не показали, чему они могут научить, студентов по многим государственным проблемам, не поддающимся математическому анализу. Также им пока не удалось найти эффективные пути обучения студентов неформальному искусству управления обществом, проблемы которого никак не хотят укладываться в рамки математических методов и логических построений.

Есть темы, которые требуют междисциплинарного подхода к исследованию, что не всегда возможно в силу недостаточной подготовленности кадров. При изучении процессов; урегулирования спорных вопросов, например, очень немногие-профессора-юристы достаточно подготовлены для выполнения практической работы, необходимой для исследований в этой области. В результате препятствия, с которыми они сталкиваются, действуют на них настолько обескураживающе, что это побуждает их изменить направление своих научных интересов. Подобные обстоятельства сдерживают прогресс в решении таких проблем, как хроническая безработица и бедность. Корни и возможные пути решения этих проблем находятся в сфере экономики и в сфере человеческого поведения, что предъявляет соответствующие требования к характеру исследований. Точно так же изучение понятия конкурентоспособности не дает пока ощутимых результатов, так как требует всестороннего исследования, которое бы опиралось на научные дисциплины, необходимые для понимания проблемы в целом.

Отдав должное рассмотрению каждого аспекта данной проблемы, остается только констатировать, что большинство университетов распределяет свои усилия и интересы таким образом, что это совершенно не согласуется с национальными интересами. Действительно, что может оправдать такое положение дел, когда педагогические школы и школы общественного управления по всем статьям плетутся в хвосте у школ права и бизнеса; также нет убедительного оправдания тому пренебрежению, с которым школы управления относятся к проблемам производства, человеческих отношений, международного бизнеса; не подчиняется логике нежелание юридических школ сделать нечто более реальное в плане урегулирования правовых проблем. Неясно, что мешает ученым-социологам обратить на проблемы бедности и образования столько же внимания, сколько сил отдают ученые-биологи и медики тайнам рака и СПИДа? В определении этих приоритетов лежат решения и тех, кто осуществляет финансовую поддержку, и самих преподавателей и студентов. Это есть личный выбор каждого и выбор общества, а в итоге положение статус-кво мало кого устраивает, но не делается ничего, что заставило бы нас принять незамедлительные меры к его исправлению. Все же мы, по крайней мере, можем надеяться на реальность перемен. Однако прежде чем рассмотреть возможные пути улучшения нынешней ситуации, мы должны выяснить, как справляются университеты еще с одной проблемой, которая лежит неподъемным грузом на пути, к лучшей жизни американского общества.

Глава третья

УПАДОК И ВОЗРОЖДЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Совершенно ясно, что для укрепления экономики нужно нечто большее, чем ускорение темпов технического прогресса и совершенствование управления. Для этого необходимы радикальные перемены во всех сферах нашей жизни: в правительстве, в школах, во всех социальных слоях общества. Жизнеспособность общества зависит не только от профессионализма государственных деятелей, руководителей бизнеса, инженеров и квалифицированных рабочих. В не меньшей степени на нее оказывают влияние чисто человеческие категории: личные достоинства каждого человека и характер отношений между людьми. Наше процветание как нации опиралось на свободу личности и рыночную конкуренцию. Но мы уже осознали, что коль скоро мы стремимся к тому, чтобы обеспечить безопасность, свободу и равные возможности для каждого члена общества, свобода личности не должна быть беспредельна. Совместная деятельность может быть плодотворна только в атмосфере полного доверия, а конкурентные отношения, даже ограниченные жесткими рамками законов и уставов, не могут сами по себе решить проблему бедности, повысить уровень общего образования или обеспечить прочное положение на мировом рынке. Чтобы эти цели стали реальностью, необходимо объединить все те преимущества, которые даются свободой личности и свободой конкуренции и обеспечиваются социально значимыми, но такими чисто человеческими понятиями, как развитое чувство личной ответственности в отношении к своей работе, к людям и к каждому человеку.

Необходимое чувство личной ответственности впервые зарождается в семье, наиболее близкой нам «ячейке общества», перед которой в долгу каждый из нас. Обязательства перед своей семьей важны не только для самой семьи. Они не менее важны и для всего общества. Как правило, родители оказывают очень большое влияние на формирование взглядов своих детей, их нравственных принципов, отношения к закону и к окружающим людям, побуждений и способности к самоконтролю. Они могут серьезно влиять и на учебу своих детей, создавая дома обстановку, стимулирующую их интерес к занятиям, и проявляя заинтересованность их успехами в школе. Действительно, при сравнении сотен благополучных и неблагополучных школ оказалось, что не материальные затраты и не преподаватели или администрация, а именно степень участия родителей в учебном процессе наиболее важна для эффективной работы школы¹⁶.

Вторая форма личной ответственности — это те обязанности, которые мы на себя принимаем при поступлении на работу. Особенно это касается наших обязанностей перед зависящими от нас людьми, будь то клиенты, пациенты, коллеги, начальники или подчиненные. Умение говорить правду, хранить верность данному слову, оказать помощь нуждающемуся в ней человеку — все это очень важно для работы любого учреждения, от школы до корпорации. По данным недавних исследований, наиболее сильные школы отличаются тесным, основанным на доверии сотрудничеством между директором и учителями¹⁷. Точно так же и в компаниях, пока сотрудники не убедятся в честности и надежности своего руководства, в том, что оно действительно заботится об их благополучии, вряд ли можно ожидать очень высокой производительности труда. Когда этого нет, люди просто не могут быть абсолютно лояльны к своему предприятию и столь же ответственны в стремлении работать ради достижения поставленных целей. В Советском Союзе этот феномен проявляется очень наглядно, в своей крайней, губительной форме, но хорошие и плохие примеры можно найти в экономике любой страны и в нашей тоже.

Третья форма ответственности касается отношения человека к окружающим, и особенно к бедным, безграмотным, безработным и другим людям, нуждающимся в нашей помощи. Только правительство в состоянии мобилизовать колоссальные средства,

¹⁶ J. E. Chubb, «Why the Current Wave of School Reform Will Fail,» The Public Interest 90 (1988): 28.

¹⁷ Ibid.

необходимые для обеспечения их питанием, жильем и медицинской помощью, и позаботиться о том, чтобы сделать все эти блага доступными для всех нуждающихся. Но ни одна правительственная программа, как бы хорошо ни была она продумана и составлена, не может быть реализована без участия огромного количества людей и добровольных обществ, выполняющих работу, которая не под силу ни одному государственному учреждению. Это — юристы, защищающие интересы бедных людей, компании, субсидирующие городские школы, прихожане церкви, организующие приюты для бездомных, врачи, находящие время для помощи неблагополучной молодежи или для работы в клиниках реабилитации наркоманов.

Последняя, крайне необходимая форма личной ответственности — это участие в совершенствовании деятельности правительства. Правительственные учреждения выполняют такие функции, которые никак не могут быть обеспечены корпоративным сектором, но относятся к жизненно важным интересам государства: образованию, регулированию бизнеса, борьбе с бедностью и преступностью, поддержанию национальной безопасности и многому другому. Таким образом, качество правительства является наиболее важным моментом для всех проблем, которые мы обсуждаем.

Критика государственных служащих уже стала обычным явлением, не иссякает поток жалоб на то, что правительство является некой независимой силой, за которую народ не несет никакой ответственности. Но ведь в демократическом обществе качество правительства всегда является отражением общественных отношений. Именно люди определяют, кого избрать в правительство, какие на него будут возложены обязанности и на какие ресурсы оно может рассчитывать при выполнении своих задач. Таким образом, готовность людей обратиться к проблемам государственной службы, должным образом вознаградить труд ее сотрудников, поддержать программы, направленные на решение важных социальных проблем, и платить налоги в фонды государственной политики — это решающие факторы, определяющие эффективность правительства.

Хотя проводить обобщения всегда непросто, в последние десятилетия появилось слишком много тревожных свидетельств неуклонного падения чувства личной ответственности человека перед людьми. С особой очевидностью это проявляется в семейных отношениях. С 1960 года частота разводов возросла втрое. Это означает, что более 50 процентов всех браков обречены на развод и рождение детей, которым предстоит расти в неполных семьях¹⁸. Более половины бывших мужей отказываются помогать своим женам и детям, даже по решению суда только треть мужей полностью обеспечивают свою бывшую семью (и процент этот неуклонно падает)¹⁹. Родители проводят все меньше и меньше времени со своими детьми, эта тенденция наблюдается на протяжении жизни уже нескольких поколений. Основную часть своего свободного времени дети проводят у телевизоров. Растущее пренебрежение своими родительскими обязанностями сопровождается тревожными сигналами: за последние 20—30 лет на 100 и даже 200 процентов возросла частота наркомании и алкоголизма среди подростков, случаев беременности у несовершеннолетних девочек, самоубийств и преступности²⁰. Подавляющее большинство взрослых американцев признает, что им далеко до их собственных родителей в готовности пойти на те или иные жертвы ради своих детей. Нам остается только с грустью констатировать, что семья перестала быть тем союзом, которому мы остаемся верны всегда и при любых обстоятельствах. Вместо этого все больше людей считают семью удобным способом обустройства своей собственной жизни. Причем стоит только семейным отношениям показаться слишком обременительными, как они просто пре-

¹⁸ Marital Status and Living Arrangements: March 1988 (U. S. Department of Commerce, 1988), p. 60. More generally, see Steven Mintz and Susan Kellogg, *Domestic Revolutions: A Social History of American Family Life* (New York: Free Press, 1988).

¹⁹ Child Support and Alimony (U. S. Department of Commerce, 1987), pp. 6-9.

²⁰ Rexford Brown, *Reconnecting Youth: The Next Stage of Reform*, A Report (Denver: Education Commission of the States, October 1985), p. 17.

кращаются.

Родители уже не так интересуются учебной работой своих детей. Сейчас почти половина детей воспитывается в неполных семьях, а количество семей, в которых работают и отец, и мать, стремительно растет. Естественно, учителя уже чувствуют, что они находят все меньше понимания и поддержки у родителей, которые вполне могли бы позаботиться о том, сделано ли домашнее задание, или хотя бы о том, регулярно ли посещается школа. Действительно, от четверти до трети мальчиков и девочек, поступающих в школу, — это дети, которых никто не встречает дома после занятий²¹. Кроме того; стало намного труднее, чем когда-либо ранее, уговорить достойных людей поработать в школьных местных комиссиях и еще труднее пробудить интерес общественности к проблемам школы. Например, в 1989 году в Нью-Йорке только шесть процентов всех избирателей побеспокоились о том, чтобы принять участие в выборах в школьную комиссию, и эта удручающая цифра немногим меньше, чем по остальным городам страны.

Но что действительно кажется ясным, так это то, что подавляющее большинство людей уверено в падении нравственных норм на работе, особенно среди руководителей корпораций. За последние 20 лет удвоилось число людей, которые считают, что большинство облеченных властью руководителей старается извлечь максимум за счет других, в настоящее время так считают 60 процентов американцев. По их мнению, в корпорациях очень мало заботятся о нравственном поведении своих сотрудников. Только менее одной трети сотрудников считают администрацию достойной доверия²².

Такой цинизм и недоверие кажутся удивительными в свете широко рекламируемых усилий многих компаний создать коллегиальный стиль руководства и проявлять больше внимания к мнению и благополучию сотрудников. Похоже, такая практика действительно распространяется, подстегиваемая требованиями наиболее образованной и независимой части сотрудников и примерами процветающих компаний Японии. Но, в конце концов, эти методы будут развиваться только в той степени, в какой администрация проявит искреннюю и неподдельную заботу о своих сотрудниках, выполнит свои обязательства перед ними, а не просто постарается манипулировать их интересами, преследуя одну-единственную цель — повысить производительность труда, но не более того. На сегодняшний день результаты опроса общественного мнения заставляют предположить, что многие сотрудники все же не уверены в искренности своих работодателей. Так, согласно недавнему исследованию, проведенному журналом «Time» (Тайм), почти две трети ответивших на вопросы считают, что в настоящее время работники менее лояльны по отношению к своим руководителям, чем 10 лет назад; более чем вдвое возросло количество американцев, по мнению которых и компании стали менее преданными интересам своих сотрудников²³.

В общем, набирается немало свидетельств тому, что те стороны человеческой натуры и отношений между людьми, благодаря которым общество может стать более совершенным, охвачены эрозией. Чувство личной ответственности обычно рождается в атмосфере доверия и нравственных отношений между людьми. В наше время, когда кажется, что эти нравственные категории отживают свой век, следует: спросить себя, что нужно для их возрождения и что может для этого сделать высшая школа.

С этой точки зрения университеты занимают стратегические позиции. Около половины населения, включая почти всех: служащих государственных учреждений,

²¹ The Family, Report to the White House from the White House Working Group on the Family (1987), p. 2.

²² Donald L. Ranter and Phillip H. Mirvis, *The Cynical Americans: Living and Working in An Age of Discontent and Disillusion* (San Francisco: Jossey-Bass, 1989), especially chapters 4—6, 8—9; Seymour Martin Lipset and William Schneider, *The Confidence Gap: Business, Labor and Government in the Public Mind* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987).

²³ Time, September 11, 1989, p. 54.

бизнесменов, общественных лидеров и др., получает образование в колледжах и профессиональных школах. В течение нескольких лет, именно тех молодых лет, когда происходит формирование личности, университеты оказывают доминирующее влияние на жизнь человека.

У молодых людей, которые только поступили в колледж или университет, еще нет иммунитета ко всему тому, что мешает формированию чувства нравственной и гражданской ответственности. О многом говорит тот факт, что за последние 30 лет студенты намного чаще стали испытывать неприятное чувство страха быть обманутыми²⁴. Другие исследования наглядно показали, что в устремлениях старшекурсников осталось очень мало альтруизма, более всего они заняты собственными проблемами. Как выяснилось при опросе новичков, за последние 15—20 лет более всего повысилась значимость таких понятий, как «очень хорошее финансовое положение», «достижение личной известности» и «достижение административных постов». Напротив, интерес к таким вещам, как «быть в курсе современной политики», «участие в общественных программах» или «участие в деятельности по охране окружающей среды», скорее упал, чем повысился²⁵. Есть факты, говорящие о том, что менее пяти процентов самых способных студентов колледжей считают государственную службу предпочтительной карьерой, а процент 18—24-летних, действительно участвующих в голосовании, значительно ниже и падает быстрее, чем в любой другой возрастной группе²⁶.

Подобные тенденции подчеркивают необходимость давать в университетах настоящее нравственное образование в самом широком смысле этого слова, то есть помочь студентам проникнуться высшими понятиями нравственности и чувством общественной и гражданской ответственности. Но что должны сделать университеты и что могут они сделать, чтобы откликнуться на этот призыв? Как мы знаем, на протяжении всей истории американской высшей школы на эти вопросы давались самые разные ответы. В последние годы по этому вопросу разгорелась особенно своеобразная дискуссия. В спорах такого рода одна сторона никогда не услышит другую.

Старая традиция

До начала нашего века работники просвещения Европы и Америки занимались формированием характера студентов, они считали это своей главной заботой. Платон писал: «Если вы спросите, в чем смысл и польза образования, ответ прост — в том, что образование воспитывает хороших людей, а хорошие люди поступают благородно»²⁷. В Новом Свете Гарвард и другие старейшие колледжи были основаны для того, чтобы готовить безупречно честных министров и общественных деятелей с твердыми убеждениями. В XVIII веке преподаватели добавили философию нравственности к изучению Библии, но главной целью оставалось воспитание «хороших людей» или, словами Джефферсона, «аристократов таланта и добродетели». Как считал Джефферсон, такое образование не только будет способствовать воспитанию нравственности и должному уважению к правам человека; это также «сформирует государственных деятелей, законодателей и судей, от которых так сильно зависит процветание государства и личное счастье людей»²⁸.

В XIX веке эти тенденции оставались главенствующими. Президент Брауновского университета Фрэнсис Уэйланд выразил взгляды и настроения многих ведущих деятелей

²⁴ See e.g., John S. Baird, Jr., «Current Trends in College Cheating,» *Psychology in the Schools* 17 (1980): 515.

²⁵ Alexander W. Astin and Kenneth W. Green, *The American Freshman: Twenty Year Trends, 1966—1985* (Los Angeles: Cooperative Institutional Research Program, University of California, 1987).

²⁶ K Ronald P. Sanders, «The Best and the Brightest: Can the Public Service Compete?», unpublished paper prepared for the National Commission on the Public Service (Washington, D. G.: Volcker Commission, 1988), p. 16; U. S. Department of Commerce, Bureau of the Census, *Voting and Registration in the Election of November 1988* (Washington, D. C, February 1989).

²⁷ Quoted in Mary Louise McBee, ed., *New Directions for Higher Education: Rethinking College Responsibilities for Values* (No. 31) (San Francisco: Jossey-Bass, 1980), p. 5.

²⁸ Saul K. Padover, ed., *The Complete Jefferson* (Freeport, N. Y.: Books for Libraries Press, 1943), p. 1098.

образования своего времени: «Самая главная конечная цель образования — это нравственная личность»²⁹. В формировании личности Уэйланд и другие президенты придавали «большое значение философии: ее назначение состояло в том, чтобы собрать все приобретенные знания в единое целое, чтобы примирить религию и науку (или, по крайней мере, препятствовать попыткам науки подорвать религию) и выработать нравственные принципы, которые могли бы быть привиты студентам, с тем чтобы они руководствовались ими в своей личной и профессиональной жизни. Попытки внушить эти нравственные принципы и добиться того, чтобы они стали основными ориентирами для студентов, заполняли всю жизнь колледжа. Во время богослужений, обращений президентов и других церемоний студентам постоянно внушали необходимость вести добропорядочную, полезную и честную жизнь.

Эти проповеди подкреплялись детально разработанными нормами поведения, усиленными штрафами, плохими оценками и, в случае необходимости, исключениями нарушителей из университета. Преподаватели играли важную роль в поддержании дисциплины и порядка. Один из выпускников Йельского университета Вильям Фелпс писал так: «Когда я был старшекурсником, поддержание порядка считалось обязанностью любого преподавателя, который жил в кампусе. Нередко можно было увидеть посреди ночного гулянья прячущегося за деревьями профессора в ночной рубашке, записывающего имена незадачливых студентов, попавшихся у костра»³⁰.

Попытки исправить поведение дисциплинарными методами не дали ощутимых результатов. Ежегодные доклады президентов Гарварда в сороковые годы прошлого столетия наполнены эпизодами типа «забор и небольшое строение загорелись без видимой причины и сгорели дотла»³¹ или «бомба была среди ночи подложена в одну из аудиторий университета и взорвалась, вызвав сильные разрушения»³². Согласно свидетельству историка Бернарда Бейлина, «было замечено немало студентов, слонявшихся в окрестностях Бостона, курящих, выпивающих и распутничающих»³³. Для борьбы с подобными нарушениями в конце Гражданской войны была издана книга правил, состоявшая из полных сорока страниц текста. Президент Эверетт лично занимался дисциплиной, делал выговоры студентам за пустяковые оплошности и нарушения типа «пускание солнечных зайчиков с помощью зеркала в лицо даме, проходившей по территории университета». С помощью младших преподавателей колледжа он разделил всех старшекурсников по «шкале заслуг», которая включала как оценки за личное поведение, так и успехи в изучении академических дисциплин. Со временем эти обязанности стали настолько обременительными, что Эверетт, как и его преемник Джаред Спаркс, был вынужден досрочно оставить должность.

Выработка правил поведения была естественным результатом усилий, направленных на то, чтобы студенты осознали важность самоконтроля и самодисциплины для развивающегося характера. По словам президента Йельского университета Ноаха Портера, «удержание студента в послушании по мелочам подкрепляет одну из важнейших максим Госпеля»³⁴. Вильям Джеймс ту же мысль высказал более приземленно и доступно для понимания: «Постоянно поддерживай в себе способность к усилию небольшими ежедневными произвольными упражнениями, то есть постоянно будь несколько аскетичен и героичен по незначительным и необязательным поводам, каждый день или два делай что-либо не ради чего-либо, а только потому, что ты вряд ли стал бы это делать, так

²⁹ Quoted in Douglas Sloan, «Harmony, Chaos and Consensus: The American College Curriculum,» Teachers College Record 73 (2): 248.

³⁰ William L. Phelps, *Autobiography with Letters* (New York; Oxford University Press, 1939), pp. 329—30.

³¹ Annual Report of the President of Harvard University, 1840—41 (1842).

³² Annual Report of the President of Harvard University, 1841—42: (1843).

³³ Bernard Bailyn, «Why Kirkland Failed,» in Bernard Bailyn et al., *Glimpses of the Harvard Past* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986), p. 25.

³⁴ Quoted in Laurence R. Veysey, *The Emergence of the American University* (Chicago: University of Chicago Press, 1965), p. 33.

что когда наступит час крайней необходимости, он не застанет тебя врасплох»³⁵.

Пытаясь влиять на формирование характера студента, колледжи XIX века не упустили из виду воспитательную силу примера. Как провозгласил Портер в своей инаугурационной речи, «наиболее эффективными из всех видов морального воздействия в колледже являются те, которые исходят от личности преподавателя»³⁶. С этой целью Джеймс Мак-Кош из Принстонского университета, как и многие другие президенты того времени, проводили собеседование со всеми кандидатами на преподавательскую работу в университете, чтобы проверить глубину их религиозности. Как говорят, другой президент Принстона Вудро Вильсон как-то отметил, что, выбирая при приеме на работу между ученым и джентльменом, он предпочтет последнего. Даже президент Гарвардского университета Элиот, который так много сделал, для развития свободного научного творчества, большое значение придавал личным качествам будущих сотрудников университета. Как вспоминал один из сотрудников Гарварда, проработавший с ним очень долго, «никто бы не мог упрекнуть мистера Элиота в безразличии к таланту ученого или педагогическому дару, но все же главным для него был вопрос личности»³⁷.

Краеугольным камнем в обучении старшекурсников был; курс этики, обычно читавшийся ни много ни мало как самим, президентом университета. По словам историка Д. Х. Мейера, этот курс был «устроен для того, чтобы собрать воедино все те "увещевания и замечания, которые постоянно обильно вдалбливались в головы молодых людей, придать им форму систематизированного объекта и предложить в качестве наследия веков для изучения и хранения, а также, по-видимому, подчинения ему всей своей жизни»³⁸. Чтобы помочь в этом, философы и работники просвещения издавали учебники по «науке нравственности», которые были написаны просто, ясно и в чисто дидактическом стиле. Эти учебники были: предназначены для самостоятельных внеклассных занятий как дополнение к регулярным лекционным курсам и охватывали как проблемы личной морали, так и вопросы общественной философии и гражданской добродетели. В воспоминаниях студентов о том, что представляли собой занятия при президенте Уэйланде, есть нечто поучительное: «Учащиеся первого курса повторили лекцию предыдущего дня... Это упражнение закончилось, по комнате пронесся шелест страниц; тетради проверены, и все приготовились записывать. Хорошо всем знакомое «хм» было сигналом к началу работы. Он читал медленно, а класс записывал. Все старались уловить мысль, при любой скорости, и точную формулировку, если возможно. Лекция была записана студентами полностью... Эти лекции казались нам самым удивительным из того, что мы когда-либо слышали. Они несли в себе всю убедительность [научной] демонстрации»³⁹.

В общем, весь опыт старшекурсников отражал первостепенное значение, придававшееся в колледжах XIX века воспитанию характера и формированию образованного класса людей, готовых жить в согласии с твердыми нравственными устоями во благо общества. Хотя формальные инструкции по этике играли важную роль в воспитании студентов, они были только частью той огромной работы, которая затрагивала вопросы и приема преподавателей, и дисциплины студентов.

Период упадка нравственного воспитания

Несмотря на титанические усилия, в XIX веке данная доктрина стала распадаться. В смысле интеллектуального воздействия попытка примирить науку и религию была подорвана в 1859 году выходом в свет книги Дарвина «Происхождение видов». Дарвин не был открыто враждебен по отношению к религии. Напротив, он даже отказался написать предисловие к «Капиталу» К. Маркса, потому что книга эта казалась ему безбожной.

³⁵ Quoted in D. H. Meyer, *The Instructed Conscience: The Shaping of the American National Ethic* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975), p. 68.

³⁶ Quoted in Veysey, *supra* note 23, p. 45.

³⁷ Ephraim Emerton, «Personal Recollections of Charles William Eliot,» /*Harvard Graduates' Magazine* (1924), p. 349.

³⁸ Meyer, *supra* note 24, p. 66.

³⁹ *Ibid.*, p. 134.

Однако, сознательно или нет, Дарвин нанес тяжелый удар по самым основам религии, предложив убедительную теорию неуправляемых изменений в мире, не оставившую места для роли божественного начала.

В академических кругах возникновение современных научно-исследовательских университетов возвестило о рождении нового менталитета. Создание государственных университетов привело к более светскому отношению к высшей школе, в то время как развитие науки вызвало рост специализаций с более объективными методами исследования. По мере того как стиль интеллектуальных рассуждений становится более доказательным и точным, пошло на убыль доверие к прежним нравственным понятиям, причем не только в науке, но и в других областях. Проповеди президентов колледжей старого образца казались все более и более упрощающими картину мира и никак не связанными с академическим духом времени.

Традиционный подход к нравственному развитию также оказался уязвимым под воздействием тех огромных перемен, которые происходили в Соединенных Штатах. Правила поведения, поучительные примеры и нравственные наставления сохранялись в той академической среде, где студенты имели общие социальные корни и были выходцами из маленьких городков провинциальной Америки. По мере того как деревни и маленькие городки вырастали в города, становилось все труднее устанавливать моральные ограничения. Процесс иммиграции привел в университеты новые этнические группы с иными ценностями и убеждениями. Индустриализация создала нравственные проблемы и социальные конфликты, которые не могли быть разрешены методами Уэйланда и Портера.

Перед лицом этих проблем прежние методы воспитания личности ушли в небытие. Солидные курсы по этике постепенно исчезали, по мере того как философы-президенты еще до Гражданской войны стали уступать дорогу предприимчивым руководителям, которые создавали современные научные университеты. Но шло время, изучение этики подпало под влияние академических принципов, которые постепенно стали более теоретическими и абстрактными в вопросах морали, анализа, логики и построения нравственной аргументации и сравнения этических систем и отошли от обсуждения нравственных проблем реальной жизни, которые стали казаться неразрешимыми, так как им не хватало четкого интеллектуального обоснования. Кай Нильсен писал: «Многие философы чувствуют, что логический статус и природа нравственных умозаключений настолько неясны, что мы не можем создать нравственные нормативы, пока мы не будем располагать гораздо более адекватными понятиями метаэтики, чем сейчас»⁴⁰.

В колледжах XX века гражданскому воспитанию уделялось так же мало внимания. Оно недолго сопротивлялось поднимающейся волне профилирующих дисциплин и профессионально ориентированных программ. Случалось, что тот или иной реформатор делал упор на возрождение гражданского воспитания — Вудро Вильсон в Принстонском университете или Александр Мейкелджон в университете штата Висконсин. Но эти инициативы были краткосрочны и не внесли заметных изменений в другие американские колледжи.

Ко времени Второй мировой войны учебные заведения не только перестали активно участвовать в нравственном и гражданском воспитании; они потеряли свой прежний статус важного источника нравственных ориентиров в обществе. Во время первой половины XIX века президенты и профессора колледжей Марк Хопкинс, Джеймс Уолкер и Джеймс Мак-Кош растолковывали читающей публике системы нравственности и понятия, объяснявшие личные и общественные нравственные принципы. Сто лет спустя эта миссия перешла от ученых к богословам, например к Рейнольду Нейбуру или писателям и обозревателям типа Вальтера Липпманна.

Со временем практика оценки личных качеств кандидатов на место преподавателя университета отпала. Памятуя о том, какие усилия предпринимались попечителями

⁴⁰ «Problems of Ethics,» Encyclopedia of Philosophy, vol.3 (1967), p. 119.

университетов ради того, чтобы отстранить от работы профессоров, защищающих социалистические убеждения или другие спорные политические взгляды, университеты забеспокоились о том, как бы «характер» не стал предлогом для того, чтобы убирать сотрудников с неудобными взглядами. Более того, коль скоро научные отличия стали определять репутацию университетов, все меньше научных учреждений было в состоянии пройти мимо подающего надежды молодого ученого только из-за приписываемых ему недостатков во взглядах или личном поведении. В заявлении Комитета профессоров Гарварда, сделанном в 1939 году, говорилось: «Факультет, полностью состоящий из дружелюбных или привлекательных людей, возможно даже святых, не может как таковой служить целям колледжа или университета»⁴¹. Тем самым интеллект и профессионализм одержали решительную победу.

Постепенно упор на дисциплину стал угасать. Уже в 1869 году в Гарварде отказались от того, чтобы присуждение степени ставить в зависимость не только от научного вклада студента, но и от его поведения. С этого времени преподаватели давали оценку только учебной и научной деятельности студентов, оставив их поведение на рассмотрение деканов и администраторов. Впервые воспитание ума и личности было передано в разные руки.

После Гражданской войны возраст первокурсников настолько увеличился, что подробные описания правил поведения стали менее важными. В Гарвардском университете президент Элиот провозгласил идею *in loco parentis* как «устаревшую выдумку, которая больше никого не должна обманывать»⁴². По его мнению, «молодым людям... лучше учиться самоконтролю в свободной обстановке, позволяющей вкушать свободу в пределах безопасной огороженной жизни колледжа, когда ошибки могут быть исправлены и проступки наказаны, где легко получить прощение и раскаяние никогда не бывает слишком запоздалым»⁴³. В годы правления Элиота книга правил сократилась с 40 страниц до пяти. В 1886 году обязательные богослужения были отменены. С ходом времени требования к одежде и обязательное посещение занятий были отменены, к радости старшекурсников. Другие колледжи постепенно последовали их примеру, хотя и не так быстро.

Ко времени Второй мировой войны нравственный климат колледжей XIX века исчез из научных университетов, а также из многих других академических заведений. Правда, условия жизни старшекурсников продолжали оказывать воздействие на их нравственные ценности, но это влияние заключалось в основном в том, что их убеждали отойти от догматизма и стать более восприимчивыми к наставлениям родителей и церкви, к различным точкам зрения и перспективам. Это больше подходило для общества, которое становилось скорее все более терпимым ко всем нравственным системам, нежели приверженным какой-то определенной. В мире, в котором оспаривалось столько нравственных доктрин, при столь выраженной разнородности студенческой массы работники образования поняли, насколько трудно помочь пытливым старшекурсникам заменить отброшенные догмы новым набором нравственных ценностей. Вместо этого профессора сконцентрировали все свои силы на том, чтобы передать им профессиональное мастерство, оставив свободу выбора убеждений и обязательств среди многообразных соблазнов университетской жизни.

Эти изменения не были явными, руководители университетов никогда открыто не отвергали важность нравственного воспитания как одной из задач высшего образования. Такое отречение показалось бы безответственным и безнравственным. Скорее, работники образования предположили, что влияние гуманитарных наук и близость к профессорам и преподавателям, преданным самым высоким стандартам морали и интеллектуальной

⁴¹ Report on Some Problems of Personnel in the Faculty of Arts and Sciences (Cambridge, Mass., 1939), p. 77.

⁴² Quoted in Hugh Hawkins, *Between Harvard and America: The Educational Leadership of Charles W. Eliot* (New York: Oxford University Press, 1972), p. 111.

⁴³ Annual Report of the President of Harvard College, 1871—72 (1873), P. 13.

честности, будет достаточным для того, чтобы донести до сознания студентов добродетель и уважение к нравственным принципам. Согласно широко обсуждавшемуся отчету «Общее образование в свободном обществе», «лучший путь привить студентам вкус к интеллектуальной бескомпромиссности — это поставить их рядом с учителем, мозаично преданным правде»⁴⁴. Авторы этого отчета продолжают: «Колледжи должны будут строго придерживаться того, чтобы научить студентов умению разбираться в нравственных ценностях (путем обучения гуманитарным наукам, общественным дисциплинам и научным предметам) и положиться на изречение Сократа, что знание добра воспитывает добродетель»⁴⁵.

Сейчас никто не сможет доказать, что эти ожидания когда-либо исполнятся. Несмотря на многократные попытки, пока нам не удалось оценить влияние колледжей на нравственное развитие старшекурсников. Говард Боуэн заявил после того, как ознакомился с результатами подобных исследований 1930-х, 1940-х и 1950-х годов: «Стоит отметить следующее: именно те критерии, для которых роль университета оценивается как «негативное влияние», «нет изменений», [или] «недостаточно», обычно характеризуют нравственное развитие личности»⁴⁶.

Почти то же самое можно сказать о попытках воспитать в студентах гражданское чувство. Послевоенные изменения программ, например такие, которые разъяснялись в публикации Гарвардского университета «Общее образование в свободном обществе», были направлены на те аспекты образования, которые сформировали бы старшекурсников как оплот против атак тоталитаризма. Но эти возвышенные цели быстро отошли на задний план, уступив место дебатам о том, как много программ должно быть предписано к изучению и как сжать большое количество информации в «обзорные лекции по основам». На протяжении шестидесятих годов все были так увлечены выработкой всех требований к образованию, что была забыта сама необходимость гражданского воспитания. К концу десятилетия Комиссия Карнеги по высшему образованию объявила, что «общее гражданское воспитание» было самой очевидной неудачей во всей истории высшего образования Америки.

Возрождение

Однако к концу шестидесятих годов случилось нечто непредвиденное. В суматохе этих лет, насквозь проникнутых духом протеста и дальнейшим разрушением правил поведения, возникли новые проблемы, привлекавшие внимание общества к моральным вопросам. Женщины требовали равенства и начали демонстрации за право на аборт. Битвы за гражданские права, возникшие на Юге, вызвали шквал законодательных актов, включавших противоречивые программы действий. «Зеленые» начали широкие выступления против загрязнения окружающей среды и за защиту природных ресурсов.

Это были серьезные и ответственные проблемы, которые затронули интересы многих людей и возбудили сильные страсти. Это были также правовые и законодательные вопросы, которые требовали тщательного обдумывания и общественного обсуждения. По мере роста интереса в стране ученые в области этики, богословы, профессора-правоведы и социологи начали выражать свои взгляды на газетных полосах и страницах научных журналов. Возникло новое отношение «академической науки к профессиональной этике.

Постепенно в каталогах колледжей и профессиональных школ появились курсы по вопросам этики личного и профессионального поведения. Интересно, что медицина была первой на этом пути, хотя ее академические предметы и научные принципы казались более далекими от нравственной философии, чем в каких бы то ни было других профессиональных школах. Этические проблемы стали слишком серьезны, чтобы врачи могли их игнорировать. К волнениям вокруг проблемы абортов присоединились

⁴⁴ Report of the Harvard Committee (1945), p. 72.

⁴⁵ Ibid., pp. 72—73.

⁴⁶ Howard R. Bowen, *Investment in Learning: The Individual and Social Value of American Higher Education* (San Francisco: Jossey-Bass, 1977), p. 220.

дискуссии вокруг других вопросов: когда можно прервать жизнь умирающего человека, можно ли допустить появление на свет младенцев, выраженных в пробирке, каковы нравственные нормы проведения клинических экспериментов на людях. Внезапно администраторы больниц увидели на страницах газет критические статьи о своей деятельности, а врачи столкнулись с необходимостью защищаться от обвинений в ходе судебных разбирательств. Столкнувшись с этими опасностями, деканы медицинских школ бросились на поиски философов, священников, правоведов и др., чтобы организовать для своих студентов лекции по медицинской этике.

С небольшими вариациями то же самое повторялось и в других профессиональных школах. По мере того как возникали дискуссии вокруг политических скандалов, случаев мошенничества в сфере бизнеса и технических катастроф, а в газетах фабриковались различные небылицы, курсы по этике находили свое место в школах бизнеса, государственного управления, технических школах и школах журналистики. После Уотергейтского дела Американская ассоциация адвокатов убедила деканов юридических школ сделать прохождение курса по профессиональной ответственности обязательным требованием при принятии в адвокатуру. В колледжах программы по профессиональной этике и нравственности стали прокладывать дорогу в обязательные учебные планы старшекурсников. К концу семидесятых годов количество таких курсов по стране выросло до 10 000 и выше.

В общем и целом эти занятия наглядно показали, насколько они отличаются от надуманных лекций по философии нравственности, которые читались президентами университетов в XIX веке. В то время студенты не имели значительных возможностей для дискуссии или рассуждения. Перед преподавателем стояла цель не задавать вопросы или побуждать студентов к размышлениям, а воспитать веру в общепринятые нравственные ценности. Хотя профессора и применяли свои этические правила по отношению к практическим вопросам жизни, это было только частью «больших усилий помочь сформировать нравственный характер личности и расположить каждого студента к созданию твердой основы для объединения нравственных принципов, считавшихся такими необходимыми для благополучия нации»⁴⁷.

Напротив, сегодняшний курс профессиональной этики не стремится передать набор моральных принципов, но старается вдохновить студентов на глубокое размышление о сложных моральных проблемах. Хотя студенты могут прочитать, все первоисточники по теории этики, они заняты в основном: обсуждением практических вопросов, возникающих в личной и профессиональной жизни. Должен ли врач сообщить родителям девочки-подростка о том, что она делает аборт? Должны ли сотрудники корпорации давать взятки иностранным правительствам по той причине, что это делают их основные конкуренты? Должен ли адвокат защищать интересы клиентов, которые, как ему известно, дают ложные показания? Главная задача курса состоит не в том, чтобы давать «правильные ответы», но в том, чтобы заставить студентов стать более восприимчивыми к нравственным проблемам, когда они появляются, ознакомить их с лучшими образцами морали, накопленными за столетия, и подготовить к самостоятельным размышлениям о нравственных проблемах, с которыми они столкнутся в своей личной и профессионально» жизни.

Реакции на новую этику

По мере того как курсы по этике прокладывали себе путь в программы обучения, энтузиазмом были охвачены в большей степени студенты, нежели профессора и преподаватели. Большинство профессоров относилось к этим вопросам с прохладным интересом или откровенным скептицизмом. Сотрудники университетов имели разные причины на то, чтобы оставаться при своих сомнениях. Некоторые профессора чувствовали, что профессиональная этика не является настоящим предметом и курсам в этой области недостает точности; и завершенности. Другие боялись, что обучение этике попа-

⁴⁷ Meyer, *supra* note 24, pp. 118—19.

дет в руки идеологов, внушающих студентам свои собственные взгляды. Все же остальные считали, что такие курсы появляются слишком поздно, чтобы принести пользу студентам, поступающим в колледж или профессиональную школу уже взрослыми людьми. Один из администраторов школы бизнеса официально заявил: «По предмету этики мы чувствуем, что ко времени, когда вы к нам приходите, либо вы ее уже имеете, либо нет».

Эти аргументы постепенно растворяются, поскольку ни один из них не заслуживает серьезного внимания. Хотя профессиональная этика, безусловно, не является наукой и многие этические проблемы не имеют четких ответов, это в такой же степени справедливо для многих фундаментальных дисциплин учебной программы, например для литературы, изящных искусств или науки о человеческих отношениях, не говоря уже о программах по правоведению и управлению бизнесом. Более того, пока еще никто не доказал, что тот или иной преподаватель профессиональной этики использовал свои занятия для насильного внушения своих взглядов студентам, и риска здесь не больше, чем при преподавании теории государства, социологии и даже экономики. Заявления, что студенты слишком стары, чтобы учить этику, столь же наивны. Даже если это так, студентам есть чему научиться в смысле применения общих правил к головоломным: нравственным проблемам, на каждом шагу возникающим в: их личной и профессиональной жизни. Молодой выпускник колледжа, поступающий в медицинскую школу, может иметь прямодушный характер; и быть, преисполненным сострадания к людям, но не иметь ни малейшего представления о том, например, какую долю правды можно говорить раковому больному или как долго можно использовать технические средства поддержания жизни у терминального больного*.

Сомнения, высказывавшиеся в академических кругах, бледнеют перед возражениями закоренелых консерваторов. В отличие от типичного университетского скептика, большинство консерваторов твердо уверены в том, что университеты должны укреплять моральные принципы своих студентов. Тем не менее, они осуждают новые курсы по этике. По их мнению, преподаватели этики настолько обеспокоены тем, чтобы оставаться терпимыми к различным нравственным системам и убеждениям, что студенты могут подумать, что все нравственные нормы имеют одинаковые права на существование. Предосудительными кажутся им попытки преподавателей избежать нравоучений вплоть до отказа дать положительную оценку и поддержать такие основополагающие добродетели, как честность и верность слову. И, наконец, преподаватели профессиональной этики осуждаются ими за то, что те подчеркивают трудность нравственных дилемм, таким образом, создавая впечатление, что вопросы морали не имеют решения. Из-за этих недостатков критики консервативного толка заявляют, что в лучшем случае занятия по профессиональной этике смутят студентов и усилят их этический релятивизм, а не улучшат их поведение. В худшем случае, говорят они, после таких занятий студенты станут еще более циничными в вопросах морали, способными на самые замысловатые аргументы в пользу любой линии поведения, которой они пожелают

* Нас больше тревожит проблема нехватки квалифицированных преподавателей по профессиональной этике, особенно в профессиональных школах. Такие занятия очень трудно проводить, поскольку они требуют подготовки по двум совершенно разным предметам: этике и той или иной области практического применения, например правоведению, бизнесу или медицине. Поскольку университеты не имеют соответствующих программ, большинство профессоров, преподающих профессиональную этику, должны учиться сами большей части того, что им необходимо преподавать. Такая подготовка часто бывает неадекватна, что приводит к некоторой искусственности занятий по профессиональной этике, и поэтому они оправдывают худшие прогнозы своих противников. Однако даже эта проблема не является непреодолимой. Университеты могут создать программы, помогающие философам постичь основы некоторых важных профессий, или наоборот, как это было сделано для развития ряда междисциплинарных предметов, например истории науки, политической экономии или медицинской экономии. Подобного рода инициативы рождаются в некоторых университетах. Сейчас, когда интерес к прикладной этике вырос столь значительно, это только вопрос времени, когда университеты (найдут возможность подготовить специалистов, способных преподавать эти предметы компетентно.

последовать.

Вильям Беннетт, будучи в то время секретарем США по образованию, выразил все эти сомнения в свойственной ему красочной манере, когда говорил о Гарвардском университете в октябре 1986 года. «Где же голос наших колледжей и университетов, когда речь заходит об их ответственности за воспитание нравственности в студентах? За исключением всего лишь нескольких мест (в большинстве своем религиозных и военных учебных заведений), высшая школа безмолвствует»⁴⁸. Когда его спросили, что он думает по поводу курсов по нравственности и профессиональной этике, он ответил: «Все это о нравственных дилеммах — спасательная шлюпка. Я не имел в виду теорию. Я имею в виду запрещение наркотиков в кампусах»⁴⁹. Увы, дискуссия эта не имела продолжения ни тогда, ни после, на других собраниях. Казалось, что Беннетт и его сторонники были склонны делать карикатуру из новых курсов, не понимая, чем на самом деле занимаются преподаватели. С другой стороны, сторонники профессиональной этики не смогли ответить на вызов Беннетта и посмотреть на проблему нравственного образования более широко, выводя ее за рамки курсов по этическим проблемам⁵⁰.

По всем статьям эта дискуссия отражает древний диспут, относящийся по крайней мере ко временам Древней Греции⁵¹. В V веке в Афинах возникли два течения по вопросу о том, как выполнить важную задачу обучения морали и гражданственности. Традиционный взгляд опирался на нравоучения и увещевания, принуждающие молодых поступать определенным образом в определенной ситуации, и наказание в случае их непослушания. Сократ учил людей добру, призывая их к размышлению об основополагающих нравственных ценностях и дилеммах. Он считал, что те, кто не научился размышлять о подобных проблемах, не сможет применить эти принципы в изменяющихся обстоятельствах, с которыми их столкнет дальнейшая жизнь. Однако Сократ иногда говорил так, как будто одного знания достаточно, чтобы обеспечить добродетельный поступок. Он не придавал большого значения воспитанию привычек, положительному примеру и подчинению правилам, давая студентам волю и стремление жить согласно своим убеждениям, но уважая основные нормы поведения, существенные для цивилизованного сообщества. Точка зрения Сократа вызывала жестокие нападки. Аристотелю удалось понять мудрость сочетания обеих традиций, позволяющего воспитать в молодых людях не только способность ясно думать об этических проблемах, но и желание и волю применять свои выводы на практике.

В современных университетах, как и в Древней Греции, основной вопрос состоит в том, как соединить нравственное образование с попытками выработать привычки, как дать достойные примеры, как увещевать. Способность рассуждать, существенно помогает нам найти путь среди обескураживающих дилемм и противоречивых аргументов, которыми изобилует наша эра, когда согласие в обществе относительно нравственных проблем нарушено под давлением культурных различий, технократических изменений и других проблем, современной жизни. Но одного только нравственного рассуждения недостаточно для того, чтобы вести себя нравственно. Как тогда университет может идти дальше и помочь студентам развить в себе желание и волю следовать моральным принципам в своей личной и общественной жизни?

В этом вопросе университеты сталкиваются с серьезной дилеммой. Они могут пытаться привить предпочтительный моральный кодекс всеми способами, находящимися в их распоряжении: уроками преподавателя, внушением руководителей университета,

⁴⁸ Harvard University Gazette, October 17, 1986, pp. 1,8.

⁴⁹ New York Times, October 11, 1986, p. A8.

⁵⁰ Robert T. Hall and John U. Davis, *Moral Education and Practice* (Buffalo, N. Y.: Prometheus Books, 1975), p. 172. The conventional limit on moral education is expressed by Hall and Davis in the following terms: «The line should be drawn between giving young people the skills and abilities to think morally, along with some practical experience in this domain, on the one hand, and aiming at behavioral or attitudinal changes on the other.»

⁵¹ See Martha Nussbaum, «Aristophanes and Socrates on Learning Practical Wisdom,» in Jeffrey Henderson, ed., *Aristophanes: Essays in Interpretation* (New York: Cambridge University Press, 1980), p. 43.

правилами поведения, поддерживаемыми дисциплиной, и тому подобным. Но так они рискуют навязать свои взгляды студентам в манере, противоречащей принципам интеллектуальной свободы, основным для современных университетов. Чтобы избежать этой опасности, они могут остановить свой выбор просто на том, чтобы научить студентов более глубоко задумываться о моральных дилеммах, не пытаясь диктовать им свои ответы. Этому методу следуют в большинстве современных курсов по прикладной этике. Однако, как это ни полезно, возникает риск сделать из студентов изворотливых казуистов, способных в споре защитить любую из сторон в сложных моральных и социальных проблемах, но не имеющих сильных собственных убеждений, которые бы они пытались отстаивать на практике.

Короче говоря, все попытки создать серьезную программу нравственного обучения парализуются либо ядом доктринерства, с одной стороны, либо опасностью нравственного релятивизма — с другой. Уход от этой дилеммы и есть ключ к успеху в том, чтобы помочь студентам развить в себе сильные нравственные чувства и гуманное отношение к окружающим. Как это осуществить и можно ли вообще это сделать — вот вопросы, которые еще ждут своих ответов.

Глава четвертая

К СОВРЕМЕННОЙ ПРОГРАММЕ НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Путь к пониманию того, что есть нравственное образование, оказался крайне запутанным и сложным. Вся история высшей школы проникнута стремлениями воспитать личность, но с позиции сегодняшнего дня они выглядят архаичными и неэффективными. Слишком часто они или оказывались бесплодными, или превращались в грубые попытки внедрить в жизнь частные нравственные доктрины или конкретные правила поведения.

Однако важность нравственного воспитания слишком велика, чтобы отказаться от него только потому, что прежние усилия не увенчались успехом. Точно так же и университеты не могут отказаться от поставленной перед ними задачи, нравится им это или нет. Влияние университетов на нравственное развитие студентов существует уже хотя бы потому, что есть определенные нормы поведения, давно сформированы подходы к решению этических проблем, к обучению студентов и т. д. Даже в том, как тренируются спортивные команды, есть элементы нравственного воспитания. Более того, полная индифферентность к проблемам морали также является нравственным воспитанием. Единственный вопрос заключается в том, какой путь предпочтут студенты: слепого следования правилам или критического анализа. Попробуем рассмотреть возможность создания такой программы, которая не только научила бы их воспринимать и анализировать морально-этические проблемы, но и позволила бы действовать согласно своим собственным убеждениям. Представим себе, как будет выглядеть эта программа, а после этого уже ответим на вопрос, стоит ли тратить силы на ее создание.

Первые шаги

Нравственное образование должно начинаться с первых недель пребывания студента в университете. **Этот период можно назвать критическим, потому что именно в это время формируется отношение студента к учебному заведению и понимание того, что ему может дать полученный здесь опыт. Пройдет немного времени, и студенты уже не будут так внимательны к тому, что им говорят, и так открыты для восприятия наиболее важных нравственных понятий.** Однако этот момент часто упускается. В лавине курсов, программ, специальных предметов и факультативных занятий, которая сразу же обрушивается на студента, многим колледжам не удается направить их внимание на главные цели всей этой разнообразной деятельности. В итоге колледж теряет важную, возможно, даже единственную возможность показать студентам, что воспитание в них глубокого понимания морали и чувства долга является неотъемлемой частью университетского образования.

То же самое относится и к профессиональным школам. Слишком часто студенты приходят в школы бизнеса, управления, медицины или права, преисполненные любознательного отношения к будущей профессии и собственной в ней роли и готовые немедленно погрузиться в детальное изучение специальных предметов. На осознание же того, в чем заключается главный смысл их профессии, ее высшая цель, а также на понимание того, как соотнести свои будущие профессиональные обязанности перед компаниями, пациентами и клиентами со своим общественным долгом, затрачивается слишком мало усилий. Конечно, подобные соображения часто отбрасываются умышленно как отвлекающие внимание от овладения профессиональным мастерством. Как однажды заявил студентам профессор права Карл Левеллин, «самое трудное дело на первом году вашей работы — это отбросить здравый смысл и подвергнуть мораль временной анестезии, выбросить из вашей системы ценностей ваши представления о социальной политике, ваше чувство справедливости вместе с вашими идеями и чувствами. От вас требуется только одно — способность точно думать, хладнокровно анализировать и работать с данным вам материалом»⁵².

Сейчас уже немногие профессора найдут в себе смелость, высказать эту мысль с

⁵² Karl N. Llewellyn, *The Bramble Bush: On Our Law and Its Study* (Dobbs Ferry, N. Y.: Oceana, 1960), p. 116.

такой циничной откровенностью. Однако добиться аналогичных результатов можно иным путем, умышленно опуская или, наоборот, подчеркивая те или иные практические соображения, которыми надо руководствоваться в реальной жизни. Подобная практика часто приводит к атмосфере, описанной одним из студентов ведущей школы бизнеса, который впоследствии стал высокопоставленным священником.

«Все студенты, то есть каждый в отдельности, были очень доброжелательными и теплыми людьми. Но, собираясь вместе, многие из них становились агрессивными, циничными и бессердечными. Осенью мы были на просмотре фильма о забастовке шахтеров в Харлан Коунти, Ку. Тяжелое зрелище, но при виде толстых жен шахтеров весь зал буквально заходился от смеха. Когда при обсуждении положения рабочих текстильной промышленности в Англии нам рассказали о женщине, которая в течение 12 лет занималась шитьем за 100 долларов в неделю и оказалась перед угрозой потери работы, вся аудитория почти единодушно решила, что платят ей слишком много и ее давно уже пора выгнать»⁵³.

Обстановка, порождающая подобные реакции, несет в себе потенциал разрушения. Ни в коем случае нельзя вводить молодого человека в профессию, не внушив ему, что, овладев знанием, он приобретает силу, а давать силу, не обучив пользоваться ею со всей ответственностью, опасно. Профессиональные школы не имеют права рисковать, создавая у студентов впечатление, что категории моральной и социальной ответственности лишь сантименты, уводящие далеко в сторону, и не имеют отношения к делу. С самого начала студенты должны понимать, что ответственность — это неотъемлемая часть любой профессии.

Этика и программа

Гуманитарное образование, без сомнения, во многих отношениях помогает создать представление о морали и воспитать чувство долга. Однако традиционных учебных курсов по гуманитарным дисциплинам явно недостаточно. Художественная литература, изображающая яркие картины людских бед и страданий, может разбудить в человеке совесть и сострадание. Традиционные курсы этики могут дать философское обоснование рассуждениям о реальных моральных проблемах. Изучение общественных наук может помочь студентам понять суть предметов гражданского значения, государственных институтов и процессов управления государством, проблем бедности, значение идеалов справедливости, свободы, равенства, законности, благотворительности и их роль в обществе. Ученые утверждают, что молодые люди продолжают развивать свои способности к нравственным оценкам только до той поры, пока они остаются в стенах школы или университета, и обычно останавливаются в своем нравственном развитии, как только формальное образование считается законченным⁵⁴. Обучение такого рода объясняет, почему это так.

От традиционных курсов гуманитарных наук не стоит ждать слишком многого. Ни изучение классики, ни занятия историей еще не дают студентам той остроты восприятия, которая могла бы оправдать надежды Джоуетта и Буркхардта на то, что изучение этих предметов наставит студентов на путь истинный. Гуманитарные дисциплины перегружены другими вопросами, и большинство профессоров чувствуют себя неуверенно при необходимости читать лекции или проводить обсуждения по этому материалу. Кроме того, курсы по гуманитарным наукам намеренно непрофессиональны и поэтому вряд ли могут поднимать этические проблемы, возникающие в той или иной профессиональной области.

Новые курсы по профессиональной этике и профессиональной ответственности пытаются заполнить некоторые явные пробелы. При достаточно высоком уровне обучения они могут принести немало пользы. Изучая проблемы, которые постоянно

⁵³ Robert K. Massie, Jr., «Prophets to Profits,» Manhattan, Inc. (August 1985), p. 88.

⁵⁴ See James R. Rest, «Moral Developments in Young Adults,» in Robert A. Mines and Karen S. Kitchener, eds., *Adult Cognitive Development: Methods and Models* (New York: Praeger, 1986), p. 92.

возникают в личной и профессиональной жизни, студенты стали более восприимчивы к тому, что они могли просто проигнорировать. Уяснив, что эти проблемы также могут восприниматься и рассматриваться с позиции тщательного анализа и аргументации, студенты скорее поверят в то, что любая точка зрения достойна уважения и терпимого отношения, но не более того. Обучаясь строгому анализу нравственных вопросов, студенты поймут, что многие из этих проблем действительно имеют ясные решения, в основе которых лежат общечеловеческие ценности. Никакой опыт, приобретенный в студенческой аудитории, не сможет превратить негодяя в добродетельного человека. Однако в большинстве своем в университет поступают достойные люди, способные к искреннему сопереживанию. Для них курсы, развивающие способность острее воспринимать и анализировать нравственные проблемы, понимать нравственные мотивы поведения, являются не только тренировкой ума, но также оказывают положительное влияние на их поведение. Это предположение доказывается самой жизнью*.

Профессиональные школы могут сделать больше, нежели просто научить студентов рассуждать о трудных нравственных проблемах. В школах бизнеса, государственного управления, образования и права профессора могут подумать о том, как создать такую обстановку, которая бы укрепляла, а не подрывала правила морали. Нравственный облик общества формируется не только моралью отдельных личностей, но и тем, к чему побуждают людей те коллективы, в которых они живут и работают. Когда планка профессиональной задачи настолько высоко поднята, что ради успеха приходится прибегать к различного рода уловкам, когда государственные учреждения идут на беззаконие, даже нравственные люди могут совершать безнравственные поступки. Поэтому в школах, которые готовят студентов к деятельности в сфере управления, должны как следует разобраться в том, что помогает создать здоровый нравственный климат на работе, а разобравшись, отразить в программах свои выводы и рекомендации. Таким образом они могут попытаться научить своих студентов, как избежать соблазна свободного манипулирования сотрудниками путем применения силового давления, которое разрушает добрые отношения и заводит дело в тупик.

Правила поведения

Даже наиболее стойкие защитники курсов по профессиональной этике или профессиональной ответственности должны согласиться с тем, что их влияние на поведение студентов ограничено и неопределенно. Поэтому университеты должны учитывать обстановку в студенческих городках и за пределами аудиторий. Введение правил, запрещающих обман, воровство, насилие, посягательство на свободу личности

* Связь между моральными убеждениями и моральным поведением не столь уж существенна. Бесчисленные эксперименты подтверждают то, что нам подсказывает здравый смысл, а именно, что целый ряд обстоятельств (опасность, боязнь осуждения, недостаток предусмотрительности, «советы окружающих, переутомление или стресс») могут не дать человеку поступить в жизни так, как требуют его убеждения. Однако некоторые исследования показали, что дискуссии по профессиональной этике дают средний, но все же положительный эффект на нравственные побуждения, а нравственные побуждения положительно коррелируют с различными типами нравственного поведения. Например, отказаться от возможности украться, не повиноваться приказу, который может нанести вред другому человеку, или жить согласно данным обещаниям. См.: Алан Л. Локвуд «Роль программ по изучению нравственных ценностей в воспитании нравственности» (в *Rev. of Educ. Research*, 48 (1978); 325); Деннис Кребс и Алли Розенвальд, «Нравственные побуждения и нравственное поведение взрослых» (в *Merrill-Palmer Quarterly* 23 (1977); 77). Другие исследования показали, что определенные типы людей гораздо более склонны жить согласно своим убеждениям, чем люди, сориентированные на конкретную ситуацию или редко задумывающиеся о нравственных проблемах. Поэтому некоторые психологи считают, что если человека научить быть более пунктуальным в том, что касается использования нравственных принципов в конкретных ситуациях реальной жизни, то он с большей вероятностью останется верен своим нравственным убеждениям. Поэтому есть все основания полагать, что изучение этики будет оказывать определенное положительное влияние на поведение некоторых людей в некоторых ситуациях. См.: главы Марка Снайдера, Роберта П. Абельсона и Марка П. Занна и Джеймса М. Олсона в книге Марка П. Занна, Торя Е. Хиггинса и Петера К. Германа «Устойчивость социального поведения» (Материалы симпозиума в Онтарио, том 2 (Хиллсдаль, Н.): Лоуренс Эрльбаум Ассосиейтс, 1982).

или другие действия, противоречащие основным нормам поведения, является определенным шагом на этом пути. Эти правила не только защищают права личности в обществе, они также служат свидетельством важности основных моральных обязательств человека и закрепляют нормы этичного поведения.

Но вряд ли удастся научить студентов жить согласно нравственным заповедям только с помощью правил и наказаний. Это очевидно хотя бы потому, насколько явным было неподчинение строгой университетской дисциплине в XIX веке. Если действительно относиться к правилу как к знанию, которое надо понять и усвоить, а не как к требованию, которому надо просто подчиниться, администрации университетских городков следует учитывать дополнительные обстоятельства.

Задачей университетов всегда было и останется обучение и объяснение. Следовательно, администрация может устанавливать правила только тогда, когда они понятны и обоснованны, если же этого нет, должны быть представлены убедительные причины такого требования. Несмотря на всю очевидность и разумность такого принципа, о нем часто забывают. Например, в уставе одного из университетов старшекурсников информируют, что «зарегистрированные организации должны сохранять местную автономию», «ни одна и» организаций не должна появляться на коммерческом радио или телевидении» и что «никто из студентов, живущих в университетском общежитии, не может заниматься за пределами своей комнаты». Смысл этих правил непонятен, однако никто даже не подумал о том, чтобы дать по этому поводу какие-то объяснения.

Отсутствие логической связи между правилами и нравственными принципами может привести к формальному отношению, когда студенты подчиняются только конкретным записанным правилам и возражают против наказания за проступок, выходящий за их рамки. Хуже того, чем больше запретов, тем большая их часть никак не контролируется университетской администрацией. Это не только оставляет возможность для произвола, но и подрывает веру в бескомпромиссность правил и делает их объектом для циничного отношения и насмешек.

Едва ли нуждается в объяснении второе требование, требование полной справедливости и беспристрастности в оценках и наказании. Только таким путем можно добиться уважения и доверия к установленным правилам. В большинстве университетских городков эти нормы в основном соблюдаются. Но иногда среди младшего персонала университетской администрации находятся противники тех или иных ограничений, например запрещения алкогольных напитков или курения марихуаны, из-за боязни впасть в немилость у студентов за «доносы». Различного рода политические акции, не связанные с применением насилия по отношению к личности или собственности, часто влекут за собой чисто символическое наказание. Нарушения же правил поведения со стороны привилегированных лиц иногда просто оставляются без внимания. С тех пор как университеты оказались втянутыми в постоянное напряженное соперничество за громкие имена, это стало очень распространенным явлением. Все эти несоответствия служат студентам плохим примером и подрывают веру во власть закона.

В других случаях преподаватели и администраторы стараются не афишировать происшествия, бросающие тень на репутацию института, дабы избежать огласки. Вряд ли найдется много учебных заведений, не имеющих на совести этого греха. Несколько лет назад, например, со страниц местных газет не сходили подробности из ряда вон выходящей истории, произошедшей с врачом одной из клиник Гарварда. Стало доподлинно известно, что он склонял к интимным отношениям своих пациентов. Это было уже не дисциплинарное нарушение, а, скорее, преступление. Ответственные же лица, не настаивая на соответствующей психиатрической экспертизе, устроили все так, чтобы без лишнего шума этот врач оставил клинику, обеспечив его письменными рекомендациями и даже не упомянув об обстоятельствах его отъезда. Урок из этого эпизода вряд ли мог быть более печальным.

Конечная цель всех усилий по налаживанию дисциплины должна заключаться в

том, чтобы вовлечь студентов в процесс создания правил и контроля за их соблюдением. Чем больше ответственности будет возложено на студентов, тем скорее они осознают смысл введения правил и извлекут из этого пользу лично для себя. Например, ни одна декларация о свободе слова не воплотится в реальной жизни, пока не найдет опору во всеобщем понимании значения свободы самовыражения.

Кроме участия в обсуждении и разработке правил студенты также могут помочь университетской администрации в управлении и таким образом приобрести полезный для последующей жизни опыт. Действительно, большинство учебных заведений уже включили студентов в состав органов управления, по крайней мере, по некоторым вопросам. Еще более широкая форма участия студентов имеет место в школах с кодексом чести. Например, в Хаверфордском университете старшекурсники не только каждый год голосованием утверждают существующий у них кодекс, но также несут ответственность за то, чтобы он был изучен студентами младших курсов, создают комиссии по рассмотрению случаев нарушения и исключают своих однокурсников за серьезные проступки.

Возможно, наибольшая польза от кодекса чести заключается в том, что он заставляет студентов задуматься о своей собственной моральной ответственности и обсуждать эту тему между собой. Однако энтузиазм в отношении подобных нововведений не слишком велик. Его сдерживает и всепроникающий дух конкуренции за оценку, и разносторонний характер и обезличенность большинства крупных университетов, и отсутствие каких бы то ни было традиций кодекса чести, и широко распространенное среди молодежи неприятие того, чтобы осуждать своих сокурсников. При отсутствии понимания и поддержки со стороны студентов было бы неразумно пытаться ввести систему такого рода. Попытки силой заставить студентов исключать своих однокурсников за нарушение правил поведения могут скорее разрушить, нежели укрепить уважение к этим правилам. Тем не менее, даже если студенты отказываются от введения кодекса чести, стоит подумать о том, нет ли другого способа заставить студентов серьезно задуматься о проблемах моральной ответственности.

Как научить состраданию

Чувства моральной и общественной ответственности не могут возникнуть из одних только правил и наказаний, здесь не обойтись без способности к искреннему сопереживанию. И нет лучше возможности воспитать в себе это чувство, как пережить ситуацию, в которой можно оценить степень воздействия собственных поступков на окружающих людей и осознать, как это повлияло на твои собственные интересы. Университетское образование не располагает возможностями для создания такого рода ситуаций и получения соответствующего опыта естественным путем. Часто студенты не видят ничего, кроме соперничества друг с другом в учебе во имя более престижных мест в аспирантуре и более благополучной будущей служебной карьеры. Если этому нечего противопоставить, то такая обстановка скорее может разобщить людей, чем укрепить в них чувство ответственности.

Положительную роль в преодолении этой опасности может сыграть организация деятельности, способной наладить между студентами отношения сотрудничества и товарищества. Очень важно, чтобы рядом с молодежью всегда находился человек с богатым жизненным и профессиональным опытом, готовый помочь советом и консультацией в решении неизбежно возникающих нравственных проблем. Жизнь в университетских общежитиях также дает прекрасную возможность для приобретения такого рода опыта, так же, как и спортивные команды, драматические кружки, оркестры, политические группы и многие другие занятия, обычные для большинства студенческих городков. Особенно ценный опыт может дать студенческое самоуправление, если студенты наделены властью решать вопросы, имеющие для них принципиальное значение.

С другой стороны, на старших курсах и в профессиональных школах внеклассные

занятия не так распространены, учебные программы не дают столько возможностей для совместной работы. Фактически, некоторые виды коллективной деятельности могут быть даже запрещены. Например, многие профессиональные школы не разрешают студентам объединяться для написания статей, так как в этом случае не представляется возможным оценить индивидуальный вклад каждого студента. Вместо того чтобы пресекать эти инициативы, лучше было бы организовать профессиональную деятельность студентов за пределами учебной программы, наладив необходимый контроль и консультации.

Из всех видов общественной деятельности наибольшую ценность представляют программы социальных служб, такие, как забота о детях из неблагополучных семей и работа в приютах для бездомных. Такого рода занятия дают студентам реальную возможность не только проникнуться бедами других людей, но и активно действовать во благо людей, гораздо менее устроенных, чем они сами. Такие программы особенно важны именно сегодня, на фоне развивающейся среди студентов колледжей тенденции организовывать свою жизнь исключительно вокруг собственных интересов. Университеты должны вдохновлять и поощрять эту деятельность, поддерживать на начальном этапе денежными средствами, контролировать и направлять. Профессиональные школы могли бы внести в нее новые побудительные мотивы, включив соответствующий пункт в анкету выпускника, поступающего на работу.

Несмотря на то что при опросе абитуриентов явно ощутимо изменение их мировоззрения в сторону крайне эгоистических соображений, программы общественных служб обычно принимаются студентами с энтузиазмом. Активное поощрение на протяжении нескольких лет различного рода общественно полезных занятий привело к тому, что сейчас уже более 60 процентов студентов Гарвардского университета на четырех старших курсах устраиваются на работу в начальные школы и занимаются обучением детей, работают в приютах для неблагополучных женщин, в тюрьмах, обучают неграмотных взрослых чтению и т.д. В других студенческих городках, активно поддерживающих эту деятельность, наблюдается такая же реакция. Необходимо сделать так, чтобы эти программы социальной службы вовлекали не только старшекурсников колледжей. В профессиональных школах по всей стране будущие юристы оказывают бесплатные услуги бедным людям, студенты-медики помогают в клиниках для бедных, будущие педагоги часто работают в городских школах. Студенты школ бизнеса и управления могли бы легко создать свои собственные программы. Для воспитания гражданской и нравственной ответственности у молодых людей, которые готовят себя к профессии, этот опыт может дать больше, чем любая лекция или занятие в аудитории.

В последние годы администрации университетов начали так или иначе поощрять общественную работу. Приблизительно 225 учебных заведений присоединились к новой организации «Союз университетских городков» для развития этой деятельности. Однако общественные программы все еще не получают той поддержки, которой они заслуживают. Только в некоторых университетах осуществляются программы такого рода, и лишь очень маленькая часть студенчества принимает в них непосредственное участие. Более того, учебные заведения, которые даже и имеют эти программы, редко поддерживают их на должном уровне. Как это ни грустно, но деятельность общественной службы почти никогда не получает той солидной помощи, какую оказывают школы своим даже не очень знаменитым спортивным командам.

Этические нормы учебных заведений

Университеты периодически сталкиваются с нравственными проблемами при решении вопросов вложения капитала и во взаимоотношениях с окружающим миром. То, каким образом решаются эти проблемы, не проходит мимо внимания студентов. Ничто так не порождает цинизм, особенно среди студентов, изучающих профессиональную этику, как понимание того, что люди, пытающиеся привить им эти знания, очень мало заботятся о том, чтобы следовать нравственным принципам в своей собственной жизни.

Хотя обстановка в университетах может показаться анархичной и либеральной, она

заставляет администрацию и преподавателей твердо держаться нравственных норм. Дискуссии в университетских городках часто проясняют нравственный выбор и придают завершенность решениям администрации. Главные достоинства ученых, точность и щепетильность, укрепляют высокие нормы интеллектуальной честности. В университетах, которые больше ориентированы на влияние личности, чем на формальную власть, президенты, деканы и профессора просто обязаны вести себя нравственно, дабы завоевать и удержать уважение студентов. Местные власти в университетах понимают, что их деятельность настолько на виду у всех, что вряд ли осмелятся произносить явную, но удобную ложь или стремиться к достижению своих целей, сшибая на своем пути все нравственные ориентиры.

Однако далеко не все университетские реалии способствуют созданию здорового морального климата. Мы видим, что ожесточенная конкуренция американских университетов за приоритетное положение нередко приводит к сокрытию фактов, которые, став достоянием гласности, могут оттолкнуть от них известных специалистов и ученых. Кроме того, какие бы усилия ни прилагались, совершенно невозможно полностью избежать досадных ошибок и нравственных провалов. Ежедневно и ежечасно сотни людей принимают решения, в большинстве своем эти решения принимаются достаточно самостоятельно и часто под сильнейшим давлением фактора времени. В таких условиях ошибки неизбежны. Можно попытаться сократить их количество, чаще обращаясь к правилам и подвергая все многократной проверке. Но такого рода контроль только увеличит объем обременительной волокиты и канцелярщины и задушит независимость, столь важную для университета, который стремится стать оазисом свободы и творчества.

Помимо неизбежности ошибок, проблемы общения часто приводят к тому, что университет в глазах окружающих оказывается хуже, чем он есть на самом деле. Вот примеры. Приличия ради университетская администрация вынуждена скрывать некоторые факты, даже если молчание становится слишком тягостным. Вы никогда не услышите откровенного рассказа о том, почему исключен из колледжа тот или иной популярный спортсмен. Профессора и преподаватели скорее предпочтут оказаться в положении обвиняемых в том, что они зажимают популярного молодого профессора из-за политических или расовых убеждений, чем откроют истинные причины, повлиявшие на их решение.

Даже имея возможность правдиво освещать события и факты, университетская администрация иногда наталкивается на стену человеческого недоверия и непонимания. Университетам и их лидерам как крупным представителям государственного истеблишмента общество всегда отказывало в полном доверии. Под давлением скептически настроенных критиков и требований финансовой поддержки великого множества программ наиболее добросовестные работники образования могут легко попасть под влияние скорее финансовых проблем, нежели нравственных. Это влияние часто усугубляется тем обстоятельством, что местные власти в студгородках вынуждены сообщать о своих решениях через средства массовой информации. При возникновении сложных проблем никогда не будет недостатка в критике, приписывающей деятельности администрации негативные побуждения. Газетные репортеры быстро публикуют свои заявления, поскольку истории, предполагающие наличие интриги и Злостных мотивов, делают чтение более интересным, чем сухая констатация фактов. В такой обстановке самый принципиальный президент университета мол-сет оказаться в роли персонажа, о котором было сказано: «Его отвезли в хирургическое отделение на малую операцию. Какую? Удаление совести».

Болезненная проблема, стоит ли инвестировать фирмы в Южной Африке, дает яркий пример того вреда, который наносится попытками показать свою искреннюю приверженность высоким нравственным нормам. Проблемы Южной Африки слишком остры и болезненны и неизбежно создают вокруг себя ожесточенное противостояние сторон. Что бы университет ни сделал, это вызывает протест у той или другой части

университетского сообщества. Студенты-активисты заявляют, что администрация, выступающая против отмены инвестиций, безразлична к несправедливостям, чинимым апартеидом, в то время как консервативно настроенные выпускники настаивают на том, что продажа акций — это не более чем пустой и дорогостоящий жест ради ублажения университетских радикалов. В таких условиях никакая линия поведения не удовлетворит всех и каждого и не защитит администрацию от обвинений в нарушении морального долга*.

Реакция высшей школы на эту проблему явно неоднозначная. Некоторые университеты, в которых отношение к проблеме представлено самым широким спектром мнений, делали добросовестные попытки выслушать все стороны, тщательно взвесить, открыто обсудить и опубликовать в деталях причины и мотивы своих действий. Другие университеты поступили менее достойно или отказавшись обсуждать предмет, или предложив очень путанные объяснения своим действиям. Например, посмотрите на следующее заявление комиссии попечителей, сделанное в ответ на продолжительные студенческие волнения в университете.

Университет дивестирует все свои вложения в компании, связанные с Южной Африкой.

Ничего в этой резолюции не должно рассматриваться как указание к продаже акций в неподходящее время...

Комиссия попечителей присоединяется к Объединенному комитету, отстаивая следующее:

(1) свою веру в фундаментальную важность политического нейтралитета в поддержании академической свободы университета;

(2) свою веру в то, что компании, работающие в Южной Африке, в которых университет имеет акции, не только отвечают самым высоким стандартам принципов Сулливана, но и сделали положительный вклад в нынешнее и будущее благополучие черного населения Южной Африки.

Что могут студенты понять из этого заявления, кроме того, что университет никого не хочет обидеть?*

К счастью, большинство нравственных проблем в университетских городках не столь болезненны, как проблема Южной Африки, так что их обсуждение проходит не так остро. Поэтому, несмотря на неизбежные моральные ошибки, искажения и страстные споры, если власти берут на себя труд тщательного анализа возникающих моральных проблем, четкого объяснения своих действий и опровержения необоснованной критики, у них есть достойный шанс убедить большинство людей в том, что они серьезно относятся к своим моральным обязательствам и на деле стремятся к обдуманному и честному действию. Иногда даже эта цель может оказаться труднодостижимой. Но куда хуже альтернативный вариант. Если университеты не в состоянии объяснить свои действия и невнимательно реагируют на критику, они станут в глазах общественного мнения очень уязвимы для тех, кто хочет их дискредитировать, взвалив на них бремя обвинений в корыстных и дурных побуждениях. В такой атмосфере любая попытка заняться

* Эта тенденция может объяснить, почему, как показывают все исследования, мнения людей, выработавшиеся на основании яичного опыта, например отношение к своей высшей школе, своему врачу или своему конгрессмену, всегда намного более благоприятные, чем мнение о высшей школе вообще, о медицинской профессии или Конгрессе, которое формируется средствами массовой информации.

* Сомнительные результаты также получены в других учебных заведениях, как в тех, которые дивестируют свои капиталовложения полностью, так и в тех, которые этого не сделали. Университеты с солидными пакетами ценных бумаг нередко отказывались честно признать свое нежелание рисковать крупными материальными вложениями, хотя такой риск, очевидно, сыграл свою роль в принятии решения. С другой стороны, заявление о «тотальном дивестировании» часто оборачивалось на практике лишь незначительным сокращением объема финансовых операций с соответствующими компаниями. Во всех этих случаях действия администрации могут лишь породить цинизм, как только становятся известны истинные факты.

нравственным воспитанием неизбежно станет жертвой цинизма и недоверия.

Обстановка в университетах

Помимо официальной политики университетской администрации, жизнь в студенческих городках предлагает множество примеров ситуаций, имеющих нравственную подоплеку. Спортивные тренеры периодически решают нравственные проблемы на виду у всей команды, пытаясь разрешить конфликт между стремлением к победе и игрой по правилам. Бухгалтерия постоянно имеет дело со студентами, которые представляют финансовое положение своей семьи в ложном свете. Администрация должна реагировать на самые незначительные акты дискриминации в отношении черных, женщин или гомосексуалистов. По тому, как относятся профессора к отдельным студентам или сотрудникам, становится ясно, действительно ли почитаемые люди должны уважать окружающих или им позволено думать только о своих интересах. Даже по тому, какие вопросы включены в анкету для поступающих на работу, предполагается, какое значение придается личности человека и какое — его интеллекту.

Ради создания нравственного климата университеты должны стремиться к тому, чтобы эти неформальные ситуации оказывали положительное воздействие, а не подрывали основные моральные ценности. На этом пути у университетских органов управления стоит то обстоятельство, что они практически не имеют власти над профессорами, влияние которых на студентов особенно велико. Сильная приверженность академической свободе не оставляет администрации никакой возможности повлиять на взгляды профессорско-преподавательского состава, даже когда профессор придерживается крайне эксцентричных взглядов или говорит о морали с открытым пренебрежением. Кроме того, как мы видели, университеты уже давно оставили попытки подбирать профессоров по их личным качествам. Перспективы изменения этой практики ничтожны*. С практической точки зрения очень трудно оценить такую иллюзорную материю, как «характер», или получить достаточное представление о личности будущего сотрудника. В лучшем случае университет может просто поинтересоваться, насколько он добросовестно выполняет свои обязанности перед студентами, и получить любые данные, свидетельствующие о его профессиональной непригодности или недостойном поведении в личной жизни.

К счастью, большинство университетских сотрудников действительно являются высоконравственными людьми, живущими в полном согласии с принципами неподкупности, добросовестности и преданности людям. Более того, хотя и бывает, что профессора ведут себя не лучшим образом, студенты ведь могут получить положительный опыт и на плохих примерах так же, как и на хороших. Конечно, обстановка нравственного совершенства лишь отдаленно напоминает реальную жизнь. Но что является действительно разрушительной силой, так это не случаи безнравственного поведения, а попытки администрации не замечать их. Это тот вопрос, который университет в состоянии контролировать. Даже догматы академической свободы не могут помешать администрации настаивать на соблюдении определенных норм поведения, относящихся к половым вопросам, конфликтам интересов, чрезмерной опеке и другим проявлениям безнравственности.

При обсуждении сотрудниками деятельности администрации также могут вырабатываться нормы взаимоотношений, которые оказывают сильное воздействие на отдельных лиц. Такие дискуссии стали обычными по многим проблемам университетской

* Поскольку оценить характер человека очень трудно, сотрудники университетов всячески сопротивляются попыткам изменить эту практику, опасаясь, что «характер» очень быстро станет предлогом для дискриминации по расовому или политическому признаку. В конце концов, говорят, что даже Чарльз В. Элиот, величайший из всех президентов Гарварда, отказал в работе очень перспективному преподавателю из-за того, что его жена была «сущим дьяволом во плоти» (Эфраим Эмертон «Личные воспоминания Чарльза Вильяма Элиота», *Harvard Graduate's Magazine* (1924), No. 11, p. 350). Кроме того, в сегодняшней атмосфере сильной конкуренции немногие университеты согласятся отказать в работе блестящему ученому из-за его характера, за исключением абсолютно явных случаев.

жизни, но даже здесь подчас возникает нежелание идти навстречу установленным требованиям и правилам. Гораздо реже обсуждается выполнение профессорами и преподавателями их обязанностей как педагогов — своевременное рецензирование студенческих научных работ, продуктивность консультаций, наблюдение за обучением, руководство выпускниками, выполняющими диссертационную работу. Большинство профессоров выполняют свои обязанности добросовестно, но не все. И излишне терпимое отношение к такому поведению может привести студентов к тому, что они будут считать людей с положением и властью свободными от строгих обязательств и ответственности перед людьми.

Более того, администрации следовало бы больше внимания обращать на работу своих штатных сотрудников, чтобы они были более восприимчивыми к тем или иным ситуациям, связанным с нечестностью, неверностью данному обещанию и даже грубым обманом, которые иногда возникают при работе со студентами. Спортивные состязания между колледжами дают тому яркий пример, потому что, во-первых, тренеры обладают колоссальным влиянием на свою команду и, во-вторых, университетский спорт часто создает острые конфликтные ситуации нравственного выбора. Увы, немногие университеты сделали что-либо мало-мальски значительное, для того чтобы повысить нравственный уровень своих тренеров или хотя бы убедить их в том, что победа не является основным критерием оценки их деятельности. Конечно, многие тренеры являются достойными примерами для своих команд. Но многие из них вовлекают своих игроков в самые сомнительные маневры ради того, чтобы добиться преимущества в соревнованиях: позволяют создавать запрещенные свалки, применять излишне силовой стиль игры, закрывают глаза на недостойное поведение ведущих игроков или допускают мелкие нарушения у новичков. Постоянство этих нарушений и явное желание университетской администрации избежать их огласки позволяют студентам понять соотношение значимости нравственных ценностей и стремления к победе, когда они вступают в обоюдострый конфликт.

Пересмотр программы

Итак, всесторонняя программа нравственного образования должна включать следующие элементы: курсы профессиональной этики в колледжах и профессиональных школах, обсуждение правил поведения со студентами и контроль за их выполнением, создание сильной программы социальной службы, примеры высоких норм нравственности в решении университетских проблем и, наконец, более внимательное отношение к тем бесчисленным сложным ситуациям, которые формируют жизненный опыт студентов, и направление усилий на то, чтобы сделать этот опыт положительным.

Это перечисление должно успокоить тех, кто боится, что любая попытка укрепить нравственные принципы обернется идеологической обработкой. Ничто из упомянутого нами не ослабит обязанности университета уважать свободу каждого студента выражать свое мнение или исповедовать любые этические, политические, социальные или эстетические взгляды. Вот почему определенные религиозные доктрины, важные для формирования этических убеждений каждого студента, не должны использоваться светскими университетами в качестве основы для программы нравственного воспитания. Что может сделать институт, так это предложить аргументацию, которая бы убедила студентов в необходимости придерживаться определенных нравственных норм. Эти нормы — честность, отвращение к насилию, верность данному слову, уважение к бедным и другие разумные требования — настолько фундаментальны и универсальны, что они стали основополагающими для всего цивилизованного мира. Поэтому усилия, направленные на то, чтобы научить студентов жить согласно этим правилам, не могут нанести обиду никому в университетском городке. В конце концов, какой благоразумный человек будет выступать против того, чтобы университетские власти говорили о пользе честности и свободы слова, защищали программы социальной службы, стремились к высшим нравственным стандартам в выработке политики университета, принимали

справедливые правила поведения, выступали против насилия, обмана и плагиата?

Описанные меры едва ли могут достичь степени идеологической обработки, их также нельзя назвать нейтральными в отношении воспитания нравственного релятивизма. Но дадут ли они свои полезные плоды? Университет является лишь одним из многих учреждений, которые оказывают влияние на жизнь студента. Университет вступает в свои права в конце юношеского возраста, когда идеалы и ценности молодого человека уже почти сформированы, и он становится менее восприимчивым к советам взрослых, чем в более ранние годы. Университет соперничает с телевидением, кинопродукцией и безумием внешнего мира с его скандалами и серьезными опасностями. Университетам, беспрдельно преданным идеалам интеллектуальной и нравственной свободы, недостает власти для того, чтобы оказывать влияние на всех, кто живет и работает в его стенах. Для многих студентов беседы о нравственности окажутся лишь пустым занятием среди множества интересов, заполняющих жизнь типичного университетского городка.

Несмотря на эти ограничения, годы, проведенные в колледже, все еще представляют важную стадию в развитии большинства молодых людей. В школе права, бизнеса, медицины и т. д. у студента формируется представление о его собственной роли в выбранной профессии, он сам определяет, какие навыки и знания для него наиболее важны и как приспособить свои взгляды к особым обстоятельствам и проблемам избранной профессии. В колледжи поступают студенты, часто впервые освободившиеся от влияния родителей, и они сразу начинают думать о своей жизни совершенно в ином свете. Как отметили многие обозреватели, это часто приводит к тому, что студенты торопятся отбросить простые моральные принципы ради новой системы ценностей. Новые ценности часто являются результатом серьезных размышлений и самоанализа и обычно возникают на основе взаимных обязательств, которые должны соблюдаться людьми ради создания жизнеспособного коллектива. По словам Карола Джиллигана, «нравственное развитие в годы обучения в колледже сосредоточено на движении от нравственной идеологии к нравственной ответственности»⁵⁵.

В поисках студентами определения своей нравственной ответственности университет может сыграть важную роль. Его полезное влияние идет частично от его способности исподволь внушать уважение к фактам и развивать умение анализировать сложные проблемы. Важную роль играет то, что студенческая популяция очень разнообразна, а профессорско-преподавательский состав исповедует совершенно различные взгляды и убеждения. Такое окружение учит терпимости, уважению к другим взглядам и пониманию сложности человеческих проблем. Таким образом, университет готовит студентов для реальной жизни и помогает восприимчивому человеку приобрести нравственные принципы, гораздо более глубокие и более укоренившиеся в лабиринтах современной жизни, чем простые догмы, выраженные в гомогенной и искусственно контролируемой среде.

Но этих преимуществ недостаточно для того, чтобы обеспечить серьезное нравственное воспитание. Конечно, существует некоторый риск, который университеты обязаны учитывать. Обитатели университета чрезвычайно разнообразны, а университетская жизнь не изолирована от общества, которое имеет такие спутанные ценности, что при недостатке внимания к нравственному воспитанию может оказаться, что многие из студентов выросли сбитыми с толку и убежденными в том, что этические проблемы неразрешимы и должны рассматриваться исключительно через призму личного мнения, за пределами внешней оценки и тщательного анализа.

Такие убеждения абсолютно ошибочны. Хотя моральные проблемы иногда действительно не имеют однозначных, решений, ни в коем случае университеты не должны оказаться теми инстанциями, которые отбивают веру в обоснованный аргумент и тщательно проверенное доказательство при анализе самых трудных человеческих

⁵⁵ See Carol Gilligan, «Moral Development,» in Arthur W. Chickering and Associates, *The Modern American College* (San Francisco: Jossey-Bass, 1981), p. 155.

проблем. Университеты должны стать первыми среди тех, кто утверждает важность основных моральных ценностей, таких, как честность, верность слову, свободное самовыражение и взаимопомощь, потому что это не только те принципы, которые существенны для цивилизованного мира, но и основополагающие ценности просвещения и науки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эти принципы заложены в основу определенной программы помощи студентам в выработке собственной системы нравственных ценностей. Если этого не сделать, возникает опасность, что студенты будут считать и сами эти ценности, и стремление жить в согласии с ними не заслуживающими особого внимания. Такая позиция не только недостойна академического духа; в свободной атмосфере университета это может совершенно запутать студентов в нравственном отношении и лишить их способности выработать собственную нравственную веру.

Итоги прогресса

Оценивая усилия университетов, направленные на помощь студентам в воспитании морального и гражданского долга, в целом нельзя сказать, что высшая школа уделяет этой проблеме достаточно внимания. Определенная деятельность проводится во всех университетах. Во многих религиозных учебных заведениях и в небольших независимых колледжах этим вопросам уделяют действительно много сил и времени. Но чаще, и особенно в крупных университетах, к этому относятся не так, как следовало бы отнестись к серьезной проблеме, заслуживающей постоянного обсуждения и решительных действий со стороны профессорско-преподавательского состава и администрации.

Даже курсы по профессиональной этике, несмотря на недавнюю моду, еще не заняли надежного места в учебных программах. В большинстве медицинских школ предлагают, по крайней мере, один курс медицинской этики, но эти предложения обычно находят отклик лишь у незначительной части студенчества. Исследование 1982 года, проведенное более чем на ста учебных программах школ бизнеса как для студентов начальной ступени, так и для выпускников, выявило, что только в 40 процентах из них можно найти те или иные учебные материалы по этике⁵⁶. В трети всех школ государственного управления студентам не предлагается вообще никаких курсов по этике⁵⁷. Даже в школах правоведения, в которых курсы профессиональной ответственности, благодаря усилиям Американской ассоциации адвокатов, фактически стали обязательными, большинство студентов, относятся к ним как к недостаточно квалифицированно преподаваемым и менее важным, чем остальные предметы программы⁵⁸.

Другие аспекты нравственного и гражданского образования находятся в таком же неустойчивом состоянии. Можно смело сказать, что в большинстве университетов к программам социальной службы привлечена очень небольшая часть студентов, им не объясняют со всей тщательностью целесообразность тех или иных норм поведения, не привлекают студентов к разработке правил поведения и контролю за их выполнением и не предпринимают постоянных и серьезных усилий по разъяснению своего отношения к этическим проблемам, которые периодически встают перед учебным заведением.

Для этого пренебрежения есть много причин. Из-за своей переменчивой истории, религиозного подтекста и духа идеологической обработки моральное образование является щекотливым предметом, который легче проигнорировать. Может быть, поэтому факультеты часто прибегают к известным аргументам (например, к такому: к тому времени, когда вы поступили в школу бизнеса, у вас или уже есть мораль, или ее нет),

⁵⁶ L. T. Hosmer, «The Other 338: Why a Majority of Our Schools of Business Administration Do Not Offer a Course in Business Ethics,» *Journal of Business Ethics* 4 (1985): 17.

⁵⁷ See generally, Douglas J. Amy, «Why Policy Analysis and Ethics Are Incompatible,» *Journal of Policy Analysis and Management* 3 (1984): 573.

⁵⁸ Ronald M. Pipkin, «Law School Instruction in Professional Responsibility: A Curricular Paradox,» *American Bar Foundation Research Journal* (1979): 247—75; see also E. Gordon Gee and Donald W. Jackson, «Current Studies of Legal Education: Findings and Recommendations,» *Journal of Legal Education* 32 (1982): 471, 488—94.

чтобы оправдать свое пренебрежение к предмету. Серьезная программа нравственного образования также довольно обременительна. В лихорадочном ритме университетской жизни с каждым годом становится все тяжелее для президентов, деканов и других администраторов выкроить время и силы, чтобы добиться включения необходимых курсов, организовать достойные программы социального сервиса и открыто обсудить различные дисциплинарные правила и нравственные проблемы, которые постоянно возникают в университетском городке.

Конечно, все эти проблемы могут быть решены при наличии достаточно сильных побудительных мотивов. Как мы видели, растущее внимание к этическим проблемам в обществе уже помогло создать большое количество курсов по профессиональной этике. Но пока еще требования внешнего мира не настолько сильны, чтобы обеспечить им надежное место в учебных планах. Студент не получает повышенной стипендии или лучшей работы за успехи на курсе этики. Большинство фондов и корпораций все еще с неохотой поддерживают программы по профессиональной этике или потому, что они сомневаются в их интеллектуальной завершенности и профессиональном уровне, или из боязни того, что в их комиссиях поднимутся волнения по идеологическим вопросам. В пределах академии профессиональная этика еще не стала признанной частью философии, к тому же институт не повысит свой престиж, имел сильную программу по этому предмету. Хотя нравственные проблемы и вопросы социальной ответственности часто обсуждаются в уважаемых академических журналах, они вряд ли являются тем материалом, на котором может быть построена солидная репутация ученого. В такой обстановке попытки укрепить нравственные стандарты и гражданские добродетели — хотя и более заметные, чем прежде — продолжают оставаться случайной и малоэффективной затеей.

Хотя будущее нравственного образования остается неопределенным, направление, в котором следует двигаться, достаточно ясно. В аудиториях и общежитиях, на занятиях, консультациях и во время внеклассной работы университеты создают целый мир, который заполняет жизнь и мысли огромного количества молодых людей в годы формирования их характера и духовного мира. В этой обстановке студенты должны получать моральную поддержку и видеть перед собой достойные жизненные примеры, даже если президент университета перегружен заботами, а профессора не подготовлены к выполнению этой задачи. У них нет иного выбора, как помогать студентам научиться вести нравственную и социально ответственную жизнь. Можно понять все трудности этой проблемы и оправдать отсутствие быстрого прогресса в ее решении. Но нельзя простить, когда люди отказываются признать само существование проблемы и не осознают своего долга перед обществом в необходимости добросовестно работать над ее решением.

Если бы общественные и частные фонды внесли свои средства в научные исследования и последовательно в течение нескольких лет поддерживали их проведение, они смогли бы при относительно умеренных затратах создать полдюжины первоклассных педагогических школ и такое же количество центров по оказанию помощи бедным и по правам человека. В действительности в этом отношении прогресс минимален. За последнюю четверть века организации сделали гораздо меньше того, что им следовало бы сделать, чтобы направить творческую мысль университетов на решение двух наиболее важных проблем страны: удручающее положение в системе американского государственного образования и в городских трущобах.

Правительство. Из всех внешних сил, которые могут определять деятельность университетов, правительство является наиболее влиятельной. Только Вашингтон представляет проблемы, стоящие перед нашим обществом, во всей их полноте. И только Вашингтон может выделить солидные средства, которые способны изменить приоритеты деятельности в области высшего образования.

В основном федеральное правительство употребило свое влияние на науку вполне разумно, выделив средства на развитие наиболее крупных и важных исследований. По правде говоря, результат не был стопроцентным, и на то есть две основные причины. Во-первых, ответственность за проведение научных исследований лежит на нескольких организациях и учреждениях, и, во-вторых, отсутствует всесторонний анализ основных, пересекающихся друг с другом целей, таких, как сохранение инфраструктуры фундаментальных научных исследований и увеличение численности ученых и инженеров из среды американской молодежи. Временами и политика не остается в стороне. Как, например, в недавнем случае с ассигнованием средств на создание условий для работы новых институтов, поддерживаемых конкретными законодателями. В целом Конгресс обеспечил существенный приток средств для создания первоклассных возможностей для развития науки, а Национальная организация здравоохранения, Национальный фонд науки и Министерство обороны, в свою очередь, оказали поддержку научным исследованиям со знанием дела и с присущим им размахом.

Что касается общественных наук, то здесь действительно отсутствует единое мнение по поводу необходимости расширения научных исследований и специального образования. Поэтому деятельность в этой области еще более подвержена давлению со стороны политиков, действующих партизанскими методами, и итоги работы правительства по разработке научных и учебных программ не настолько успешны, как в других науках. Некоторые области научной деятельности, такие, как изучение проблемы бедности и вопросов, связанных с образованием, финансировались настолько нерегулярно, что трудно было ожидать особой энергии от ученых, адекватной реальной значимости этих проблем. Что касается исследований, непосредственно связанных с конкурентоспособностью американской экономики, то есть по проблемам урегулирования спорных вопросов в бизнесе, подготовки школьных учителей и администраторов или специалистов по международному бизнесу, то их субсидирование федеральными ведомствами отличается непостоянством, неопределенностью и тенденцией к сокращению выделяемых средств. И как результат — университетам приходится сталкиваться с большими трудностями в поисках первоклассных ученых для научной деятельности в этих областях.

Не говоря уже о материальной стороне дела, в стране отсутствует государственный орган, в котором официальные должностные лица и представители университетов могли бы обсуждать вопросы, связанные с высшей школой и поиском наиболее эффективных путей удовлетворения общественных нужд посредством научных исследований и высшего образования. В некоторых штатах политические лидеры и руководители университетов время от времени ведут дискуссию на эту тему, пытаясь наладить более эффективную связь между высшими учебными заведениями и потребностями общества.

Этот диалог чаще всего бывает полезным. Однако на федеральном уровне деятельность правительства слишком фрагментарна, чтобы иметь какую-либо систему суждений о том, как университетские проблемы соотносятся с нуждами общества. Даже при более благоприятной ситуации руководители университетов имели бы противоречивое отношение к такого рода диалогу, чувствуя, что всестороннее обсуждение этого вопроса может привести лишь к неприемлемому скрупулезному планированию, в результате чего диалог примет форму закулисной борьбы между ассоциациями, представляющими высшее образование, с бесчисленными федеральными ведомствами и законодательными органами. Подобные дискуссии носят слишком узконаправленный и неконкретный характер и не в состоянии способствовать формированию ясной политики и четких приоритетов, которые смогут подвинуть университеты к деятельности, соответствующей нуждам общества в полной мере.

При такой организации деятельности нашего правительства не следует особенно рассчитывать, что университеты и должностные лица когда-нибудь серьезно займутся всесторонним обсуждением вопроса о роли высшего образования в решении проблем общества. Но разве слишком много мы хотим, надеясь на то, что, за этим столом переговоров можно будет обсудить, каким образом университеты могли бы более решительно действовать в интересах решения конкретных задач, стоящих перед обществом, таких, как деятельность педагогических учебных заведений по подготовке руководителей школ или составление учебных программ для школ бизнеса в интересах решения проблем, связанных с производством, технологией и дизайном. Даже при минимальных усилиях и незначительной финансовой поддержке такие обсуждения могут способствовать тому, что вклад университетов в решение ряда важных для общества задач будет более реальным и значительным.

Приходится только удивляться тому, насколько мало было сказано об этом вкладе за последние десять лет в публичных комментариях по поводу состояния дел в области высшего образования. Нет недостатка в критике общей культуры студентов, обучения на последних курсах, грубости университетского спорта, а также ежегодного повышения платы за обучение. Но ни одного слова протеста против отсутствия солидных педагогических школ и школ государственного управления или неудач в разработке исследовательских программ, направленных на решение проблем бедности, хронической безработицы, бродяжничества или наркомании.

Все эти вопросы рассматривались в свете взаимодействия между университетами и внешним миром, причем ни одна из сторон не предприняла ничего существенного ради того, чтобы сделать шаг навстречу интересам общества. Руководству университетов не удалось добиться того, чтобы руководимые ими институты были в состоянии решить стоящие перед ними социальные проблемы. В то же самое время ни члены правлений, ни специалисты, ни официальные представители фондов, ни кто-либо другой, имеющий отношение к высшему образованию, не смогли направить усилия университетов в это русло, как не смогли помочь им в получении средств, достаточных для выполнения стоящих перед ними задач.

В настоящее время мы имеем шанс изменить положение вещей. Наступает новый век, последние события в мире дают надежду на то, что нам не придется заниматься проблемой глобального противостояния коммунизма и демократии. Мы сможем уделить гораздо больше внимания положению в нашем обществе и задуматься над тем, достаточно ли нами сделано для удовлетворения людских нужд и стремлений. Анализируя факты, мы с особой ясностью видим всю серьезность наших социальных и экономических проблем, не идущих ни в какое сравнение с аналогичными проблемами в других высокоразвитых демократических обществах.

Проблемы Америки настолько тесно взаимосвязаны, что нам вряд ли удастся разрешить их отдельно друг от друга. И поскольку они играют очень важную и все возрастающую роль в жизни каждого гражданина, совершенно ясно, что рано или поздно

нам придется взять на себя долговременное обязательство по решению всего пакета проблем и действовать настолько серьезно, как если бы мы решились поставить на карту все, что у нас есть.

Поскольку такая инициатива уже претворяется в жизнь, вопрос будет заключаться лишь в том, сможет ли государство распорядиться своими знаниями и обученным персоналом таким образом, чтобы дело увенчалось успехом. В этот период роль наших университетов окажется решающей. При нынешнем состоянии дел их способность принять этот вызов выглядит очень сомнительной. Несмотря на наличие потенциальных возможностей для решения практически всех вопросов, стоящих на повестке дня нашего государства, мы не видим готовности приняться за их решение. Как мы заметили, в большинстве университетов сохраняется такое положение дел, что именно по тем направлениям, в которых потребность общества в получении новых знаний и в повышении уровня образования является особенно актуальной, результаты их деятельности оказываются наименее впечатляющими.

Заманчиво не обращать внимание на недостатки подобного рода в такое время, как нынешнее, когда готовность Америки противостоять трудностям несоизмерима с требуемыми усилиями. Но именно в такое время университеты и обязаны быть на уровне, который позволил бы им в будущем, когда общество вновь обратит внимание на вопросы реформы, внести свой вклад в полной мере. Но деятельность высших учебных заведений принесет свои плоды не скоро. Нам потребуются годы для совершенствования учебных программ, для новых открытий и достижений, которые будут способствовать развитию общества. Следовательно, важно начать эту работу без промедления, не откладывая ее и не отвлекаясь на другие неотложные дела. В этой связи мы можем вспомнить любимую историю президента Кеннеди о Маршалле Ляутее, завоевавшем французские территории в Северной Африке. Взирая на голую местность вокруг него, он сказал своему адъютанту: «Мы должны сажать деревья». «Но сэр, — ответил адъютант, — в таком климате потребуется сто лет для того, чтобы дерево выросло». «В таком случае, — сказал Маршалл Ляутей, — мы тем более не можем терять время, мы должны начать эту работу немедленно».